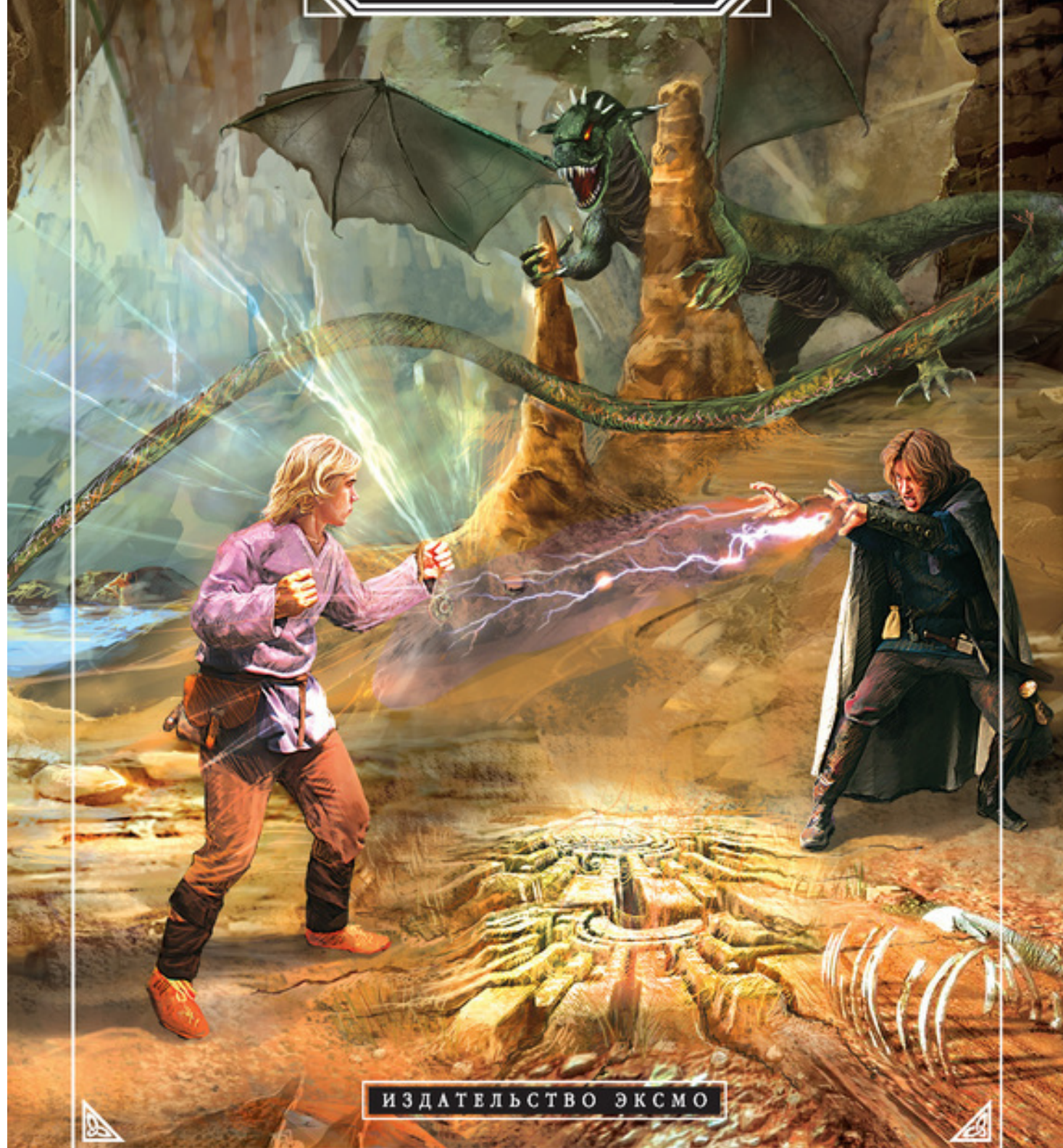

НИК ПЕРУМОВ

— МИРЫ —

Наталья
КАРАВАНОВА

АГЕРСКИЙ ЛЕКАРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Миры Упорядоченного

Наталья Караванова

Агерский лекарь

«ЭКСМО»

2015

Караванова Н. М.

Агерский лекарь / Н. М. Караванова — «Эксмо», 2015 — (Миры Упорядоченного)

ISBN 978-5-699-76629-1

Много лет прошло со времен Великой войны. Храмы богов Хаоса разрушены, но рано принимать затишье за победу. Древняя сила дремлет, ожидая часа, когда на черный алтарь прольется кровь новых жертв. Неведомая болезнь угрожает городу, пал магический щит с древнего лабиринта в Моравских пещерах. Знак возвращения легендарного Князя Мертвецов? Нет. Грядущий враг стократ опаснее. В чьих руках ключ к спасению тысяч жизней? Кому откроются тайны Хаоса? Красавице-иностранке Белале Вораш? Или же доктору Фергу, лекарю и путешественнику между мирами? Хаос вновь вступает в битву с силами Равновесия на страницах проекта «Ник Перумов. Миры».

ISBN 978-5-699-76629-1

© Караванова Н. М., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Часть I	6
Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	38
Глава 4	49
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Наталья Караванова

Агерский лекарь

© Караванова Н., 2015

© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2015

Часть I Лабиринт

Пролог

Воздух наполняла ночная свежесть. Может быть, по ту сторону хребта ветер с моря сбивает в стада седые тучи и тащит их на безнадежный приступ, но здесь, по другую сторону, тихо и спокойно. Безмятежно.

Ладжус Чордаш улыбнулся, сравнив свой боевой отряд с теми гипотетическими тучами – тучи через перевалы не перейдут. А отборный отряд Чордаша еще засветло возьмет Боруш. Иначе быть не может.

– Лагерь не ставить, костры не зажигать!

Приказ побежал по колонне, стихая в отдалении. Ординарец по прозвищу Сыч облизнул губы.

Вероятно, парень хотел спросить об отдыхе или привале, но, помня о крутом нраве командира, не решился. И правильно сделал. Субординацию должно соблюдать. Особенно следует чтить того, кто каждый день, уединившись, говорит с твоими богами. Молитва, конечно, дело нехитрое. Но кто еще может похвастать тем, что получает ответ на молитву? Прямой и однозначный ответ. Таких людей и среди магов немного, а уж среди простых смертных – можно по пальцам пересчитать...

Мастер Чордаш не был простым смертным. Маги Муреша готовили его специально – и к тому, что он будет говорить с богами, и к тому, что он станет выполнять все их приказы.

– Давай, Сыч, Хагра ко мне. Быстро!

Ординарец сорвался с места, как будто сдунули. «Расторопный, исполнительный, – подумал о нем Чордаш. – Правда, любит совать нос, куда не следует». И неожиданно добавил: «А небольшой привал устроить все равно придется. Надо дожидаться разведчиков».

Сухощавый темноглазый полуорк появился раньше, чем Ладжус начал нетерпеливо бить себя по бедру свернутым хлыстом. Хагр чуть прихрамывал. Седеющие волосы разведчика были собраны на затылке в жидкий хвост. Он раздражал мастера Чордаша манерой забывать о положенных по уставу обращениях и еще тем, что пренебрежительно относился к собственному внешнему виду. Черно-серый мурешский мундир не носил, всем другим одеждам предпочитая просторные шелковые рубашки цыганских цветов и узкие черные штаны из грубой кожи.

Но Хагр был лучшим разведчиком Муреша, и с этим приходилось считаться. Кроме того, он тоже владел магией. Не очень понятной оркской магией, наверняка темной и требующей каких-нибудь заунывных обрядов.

– Здесь я, сотник. – Хагр махнул рукой. – Чего хотел?

– Твои люди опаздывают.

– Нет. Мои люди точно знают, когда и что нужно делать. Или ты предпочитаешь, чтобы остались неснятые дозоры?

Чордаш поморщился. Его клыкастый собеседник был прав... но как же мастер не любил ждать! Полжизни проходит в ожидании.

– Ладно, где Сыч? Десятникам приказ – короткий привал. Но чтобы тихо! Без болтовни.

Полуорк ослабил, показав луне ровный ряд острых крепких зубов. До крепости Боруш оставалось меньше часового перехода. В июне ночи коротки. Нужно экономить темные часы, нужно, чтобы нападение было для защитников Боруша полной неожиданностью.

Сыч убежал передавать приказ. Бойцы ломали строй. Кто-то отошел к обочине оправиться. Кто-то нашел упавшее бревно – присесть, дать отдых ногам. Десятники не препятствовали. Переход был недолгий, их бойцы не успели устать всерьез.

Чордаш неторопливо зашагал вперед по дороге. Авангард провожал его заинтересованными взглядами – что еще прикажет? Дальше идти? Или уже все, отдых?

Дорога, по которой двигался отряд Чордаша, сильно заросла. До войны тракт был широким, наезженным, это сейчас по нему, может, раз в день прокатится крестьянская телега. А тогда, почти сорок лет назад, именно этой дорогой купцы везли товары в Ольвию и на Старый Гипанис, а может, и в самый Пантикапей.

Когда Ладжус Чордаш родился, об этой торговле уже почти никто не помнил. Старые горные заставы обветшали, и люд, живший в предгорьях, постепенно начал перебираться поближе к крупным городам. Отряду по пути встретилось несколько опустевших поселков. Казалось бы, вот они, свободные земли, так необходимые маленькому горному княжеству! Только бери! Так, да не так. Здесь скалистая земля, которую трудно возделывать, и хотя в горах много маленьких речек и ручьев, доставить эту воду к полям было бы слишком тяжело. Но самая главная проблема – это люди. Те самые, которые будут пахать, сеять, собирать урожай и доставлять его в горную часть будущего Мурешского государства. А в долине Тисы земли намного богаче. И крестьян полно.

Наконец впереди в облачке пыли показались всадники. Трое. Значит, часть разведчиков осталась у крепости. Откуда ни возьмись, рядом появился Хагр. Кивнул своим.

Разведчики спешили, передали лошадей подбежавшему Сычу. Парень повел их к телеге.

– Ну что? Докладывайте!

Чордашу не терпелось узнать результаты разведки.

– Моргаш и Сухмет в крепости, – отрапортовал старший из разведчиков. – Все прошло, как и задумывали. Дозоров на стенах они не держат, только в башнях по два человека да арбалетчик над воротами. Кстати, войти в замок можно тремя разными способами. Есть еще подземный ход к ручью и калитка возле треугольной башни. Могу показать на плане. А ворота они на ночь не запирают. Так, прикроют только, и все. Разленились совсем от мирной жизни!

– Что разленились, это нам на руку. Отряд, в строй! Сыч, где тебя носит?

– Мы там лошину удобную нашли. От крепости ее не видно. Можно оставить лошадей и обоз.

Чордаш его уже не слушал. Дело! Наконец-то впереди было настоящее дело, а не бесконечное позиционное разжевывание одного и того же: «Еще не время, Ладжус! Потерпи, будет тебе битва!» Чордаш улыбнулся – его улыбка защитникам крепости не предвещала ничего хорошего.

* * *

Крепость Боруш появилась силуэтом темнее ночного неба. Глубокой ночью не горел ни один факел, не мерцала ни одна свеча. Казалось, крепость давно пуста. Чордаш движением руки отдал команду десятникам вести людей к замку.

Лощина, в верхней части которой и расположился Боруш, сплошь поросла лесом, и подбраться чуть не к самым стенам отряду не составило труда. Теперь его «армия» разделится. Самый маленький отряд опытных бойцов и магов проникнет в крепость подземным ходом. Моргаш и Сухмет по сигналу Хагра отворят главные ворота, и через них войдут остальные бойцы.

По данным разведки, гарнизон в Боруше небольшой, основу его составляют отпрыски крестьян и ремесленников, возжелавшие легких денег и поддавшиеся на посулы вербовщиков.

Чордаш не сомневался, что в крепости им жилось совсем не плохо. И досадовал, что по-настоящему честной битвы, скорей всего, не будет...

Три раза проухал филин – сигнал полуорка. Значит, все готово. Мастер Чордаш, проговорив в уме несложную формулу огненного заклятия, быстрым шагом направился к воротам. Он войдет в крепость одним из первых. И он получит свою битву. Даже если битва эта будет короткой!

Что-то с металлическим лязгом упало – шум далеко разнесся по долине. В крепости наверняка начали просыпаться люди. На ближней, Привратной, башне вспыхнули сразу два факела, кто-то закричал коротко и бессвязно. Распахнулись настежь мощные дубовые ворота.

– Ну, именем Заточенных... – прошептал Чордаш. Путь был свободен.

Внутри крепости захрипел рог, призывая солдат к бою. Отлично! Значит, не придется резать их спящими... Ну же, где ты, враг? Где ты?!

Похоже, для этого боя не требовалось вести с собой шесть десятков бойцов. Да и маги не нужны были. Хватило бы разведчиков. Про Хагра рассказывали, что он в прошлую войну творил чудеса на территории противника. Сильный, опасный боец.

Уже со стен отрапортовали – три из четырех башен взяты. Осталась одна, Круглая. Самое старое строение в крепости – когда-то именно она и называлась замком Боруш. «Боруш» значит морщина, складка. Лет сто назад к ней пристроили стену и еще две башни – треугольную и Привратную.

Чордаш отмел ненужные сейчас сведения. Да, перед тем как идти сюда, он основательно изучил историю этих земель. Его люди путешествовали по долине Тисы все прошлое лето и часть осени. Исходя из их данных, захват и планировался. И пока что выводы разведчиков оказались точными...

Круглая башня выше остальных, ее стены толще. И войти в нее со двора невозможно, только подземным ходом из замка. На башне засели арбалетчики. Им даже удалось убить одного и ранить двоих людей Чордаша. Оставлять это безнаказанным маг не собирался, но, чтобы добраться до верхней боевой площадки, нужно войти в жилой корпус замка.

У парадных ворот они впервые встретили противника.

Солдаты Боруша выглядели растерянными. Вероятно, они все еще не верили, что на крепость кто-то решился напасть.

– Дорогу, – улыбнулся Чордаш. – И тогда, может быть, я не стану вас убивать.

И добавил про себя: «Сразу. Сразу убивать не стану. А что будет потом – посмотрим».

А вот и офицер. Прикрикнул на своих. Это хорошо. Это правильно.

И тут в шею стоящего рядом мечника впиалась длинная, вовсе не арбалетная стрела. Воин осел, хрипя. Но его тело еще не успело коснуться земли, а воины Чордаша уже рванули вперед – с криком «Муреш!» и «Ладар!» убивать врага и прорываться в замок.

Чордаш шел одним из первых. В первую же минуту ему удалось скрестить меч с защитником Боруша. Солдатик был юн и совсем неопытен. Ладжус прикончил его играючи.

Обернулся – его бойцы уже поднимались по широкой лестнице в парадный зал. Шли, прикрывшись легкими щитами, потому что на верхней ступеньке успел выстроиться ряд арбалетчиков. Щиты эти до начала атаки ехали в телеге. Поначалу солдаты их и вовсе не хотели брать – больше верили в силу магии, чем в защиту хорошо подогнанных и обитых железом, но притом все-таки слишком тяжелых досок.

...арбалеты у солдат Боруша, конечно, дрянь, изделия времен Великой войны. Но от одновременного залпа мало воинам Муреша не покажется. И Чордаш ударил первым. Ударил через головы своих бойцов, простым и мощным, как все элементарное, заклятием огня. Взметнулся его короткий черный жезл, направляя огненный поток, вспыхнули, как осенние листья в костре, одежды стрелков.

Стройного залпа у них не получилось. Часть стрел ушла в потолок, часть – в стены. Лишь два болта достигли цели. Большинство же просто не успело выстрелить.

– Вперед! За Муреш!

Бойцы словно ждали этого крика. Выжившие арбалетчики освободили дорогу мечникам. Похоже, не весь разум присидел по кабакам здешний князек. Но слишком поздно спохватился! Крепость ему не удержать.

А Хагр уже получил приказ бдительно следить, чтобы из замка никто не ушел живым. Не нужно соседям знать, что здесь случилось этой ночью. Пусть еще какое-то время поживут в неведении.

– Нашли ворота в башню, – доложил один из десятников.

Чордаш не помнил его имени и порадовался, что новые мундиры без труда позволяют распознать ранг собеседника и не ошибиться с обращением.

– И?

– Забаррикадирована изнутри. Наш колдун спрашивает: жечь или, может, вы сами захотите?

– Сам!

Бой продолжался. Звенели, встречаясь, мечи, тренькали тетивы арбалетов. Кричали, подбадривая себя, воины. Но это были последние минуты боя, самый его финал, когда надежда уже покинула одних, а боевой азарт других только распалился в предвкушении скорой победы.

Идти оказалось недалеко. К башне вел низкий сводчатый коридор, заканчивающийся еще более низкой дверью. В таком маленьком помещении игры с огнем были бы опасны. Ладжус поступил иначе. Послал на свой широкий, работы трансильванских гномов, клинок мгновенное заклятие силы и в два удара попросту разрубил прочную дубовую дверь. Только щепы в стороны! Кто-то из мечников у него за спиной даже присвистнул. Но проход с той стороны оказался заложен туго набитыми чем-то мешками. Ладжус ткнул в один из них острием клинка – на пол потекло золотистое зерно.

Что ж, легче всего будет поджечь эти мешки и выкурить засевших на Круглой башне лучников, как лису из норы. Он даже собрался это сделать, как вдруг услышал из-за спины насмешливый голос полуорка:

– Остынь, командир! Зерно нам еще пригодится. Тем более тут немного.

Зерно действительно пригодится. Совет магов в этом году решил увеличить армию. А новых солдат нужно кормить уже сейчас, а не через год, когда новые земли наконец начнут приносить прибыль.

Чордаш поморщился, но все-таки приказал своим людям оттащить с дороги мешки. Их действительно оказалось всего семь.

Видимо, возня с мешками все-таки привлекла внимание защитников башни, потому что первый же мечник, поднявшийся на полпролета по винтовой лестнице, получил стрелу в глаз. Стрела опять не была арбалетной, и древка ее слабо мерцало синим.

– Маг, – прошептал Чордаш. – Отлично! Без команды за мной не соваться, контролировать вход!

Чордаш ударил пепельным ветром. Это не смертельное, но очень неприятное боевое заклинание, которое под руководством Заточенных он создал сам. Черный пепел, подстегнутый обжигающим потоком, по мановению его жезла полетел по узкому витому коридору вверх, навстречу незнакомому магу. Пепел залепит ему глаза, пусть на какие-то секунды, но отложит следующий выстрел.

Он не стал мешкать. Пролет, другой... мага нет. Зато сидит на ступеньках, трет обожженные глаза подросток в дорогах, специально под его рост сделанных латах.

С кончика жезла слетает маленькая синяя молния – и подросток, вздрогнув, роняет голову на грудь. Из-под лат поднимается тонкий дымок вместе с запахом паленой ткани.

Чордаш не смотрит, он бежит дальше по ступеням. Вперед, вперед, пока маг не передумал. Пока он не остановился, чтобы встретить врага лицом к лицу здесь, на узкой лестнице.

Почему-то ему хотелось, чтобы последняя битва со здешним магом состоялась наверху, на открытой луне и звездам площадке. Заточенные боги чтят суд Луны. Ночь – это их время.

Три витка крутых ступенек. Крупные звезды прямо над головой... И покачивался на их фоне кусочек плаща мага. И виден, хорошо был виден силуэт...

Чордаш отпрянул – его противник мог пользоваться магическим зрением.

Прикрыться щитом от огня – огненные заклятия проще творить, значит, если у здешнего колдуна кончились стрелы, первый удар будет именно огненный.

А вот от заговоренных стрел магический щит не поможет.

И вновь Чордаш ударил первым.

Ударил именно огнем, зная, что не промахнется.

Но враг тоже знаком с арифметикой и тоже прикрыт, и тут же грянул его ответный удар. Волна жара, сродни драконьему дыханию, прокатилась по коридору. Если бы не щит, плохо бы пришлось Ладжусу Чордашу... Но обошлось. Только ресницы опалило, да чуть онемела рука, держащая жезл.

Следом заговоренная стрела высекла искры из стены неподалеку – все-таки не видел его противник! Значит, хватит обмениваться комплиментами, пора вступить в нормальный поединок.

Чордаш, не высываясь из-за угла, вновь ударил пламенем и, не мешкая, выскочил на площадку. Вот она, пустая, открытая всем ветрам. Только зубцы по краям стен.

Мага он увидел сразу. Опять мальчишка! Даже младше убитого. В руке – лук. Стрелы у него кончились. Ни жезла, ни посоха нет... ученик или подмастерье какого-нибудь местного чародея. «Так вот каков ты, мой сегодняшний враг. Слишком незначителен, слишком испуган...

Я не буду тебя убивать. Пока не буду. Боги решат твою судьбу, юный маг. А князь Ладар выполнит их решение».

Чордаш ударил обездвиживающим заклинанием. Мальчишка ловко уклонился от него и даже попытался парировать... но что он мог против опытного боевого мага, прошедшего три круга посвящения, выученика одного из сильнейших мастеров тьмы в Трансильвании?

Незримые путы – заклинание высокого уровня. Чтобы его распознать, нужен опыт серьезней, чем у деревенского мальчишки. Будь он хоть пять раз благородных дворянских кровей.

Юный маг мгновенно почувствовал действие заклинания. Почувствовал, но сделать уже ничего не мог.

Глава 1

Дождь как начался с обеда, так и не собирался прекращаться. Бернат даже запрягать не стал – если погода будет, то с утра съездит на мельницу. По такой слякоти ждать, что с Агера приедет кто-то за солью, не приходилось. Деревенскую дорогу развезло, у дверей запертой домины Заточенных богов собралась огромная грязная лужа. Небо повисло над Салеком низкое и тяжелое.

Жена затеяла мясной пирог к ужину и все неодобрительно посматривала на Берната. Вроде мужик у нее баклуши бьет. Бернат почесал бороду: дел было много, но все необязательные, несрочные. Например, поправить гнутые гвозди или заточить ножи. Про ножи Ката за завтраком напоминала, но Бернат ушел косить. Утром ничто не предвещало ухудшения погоды. Теперь скошенная трава мокла ровно так, как мокло все вокруг...

На улице вроде бы заржала лошадь. Потом кто-то мощно ударил в ворота – откройте, хозяева! Гости к вам незваные! Ката нахмурилась еще больше, но промолчала. Женщина она была спокойная и неразговорчивая. Зато уж если скажет, то как отрежет.

Бернат отложил гвозди и молоток и пошел отпирать стальной засов. Эти кованые засовы он поставил прошлой осенью, когда по Салеку пронесся слух о пришлых, что по чуланам и сараям воруют инструмент. Вора, правда, потом поймали, он оказался местным дурачком и украденное не продавал, а прятал в лесу – запасал на плохой год. Бернат даже припомнил день, когда его поймали. Сидел, бедный, мокрый от дождя, и все повторял: «Придет плохой год, люди звереть будут, умрем все. Придет плохой год...»

Дурачка было не жалко, но пожалели матушку его. Уж она мужиков благодарила... А спрашивается, за что? Бестолковый же человек, ни к какой работе не приученный.

Бернат потянул воротину и обнаружил на деревенской улице черную дорожную карету, запряженную парой лошадей.

Извозчик подул теплом в красные ладони, спросил:

– Хозяин, непустишь ли седока моего на ночь? Ступица вон треснула, боюсь, до города не доедем, поломаемся...

Одно из передних колес действительно сидело на оси неровно.

– А что за седок-то? За постой-то заплатит?

Извозчик отворил дверцу, окликнул:

– Эй, сударь! Не спите ли?

– Что случилось?

– Дык все, сударь. Поломалась карета, дальше везти не могу. Вот хозяин здешний на постой предлагает... Будет у вас чем заплатить?

– Заплатить-то будет чем. Далеко ли до города? Смогу сам добраться?

– Да мили четыре, не больше. Сможете, но не по такой дороге. Вон как развезло. Да и стемнеет скоро. Я за вами завтра с утра приеду. Вы уж не сердчайте, но куда мы без колеса...

Извозчик замылся. Понятное дело – если его седок торопится, деньги придется вернуть.

– Значит, завтра. Ну что же. Я не спешу.

Из кареты вышел высокий, плотно закутанный в серый дорожный плащ человек. Лицо его скрывала шляпа с широкими обвислыми полями, в каких обычно ходит рабочий люд. Вещей у него, можно сказать, не было. Одна небольшая кожаная сумка.

Извозчик вынул из-под сиденья ящичек с инструментом и принялся колдовать над пострадавшим колесом.

Бернат поежился – холодный дождь забрался ему за ворот.

– Следуйте за мной, сударь. Здесь недалеко.

«Сударь» не выглядел богатеем, так что границы его платежеспособности следовало узнать как можно раньше. Может, он и не из тех приличных людей, которых стоит пускать в дом? Может, его устроит ночь на сеновале, над стойлами?

Гость окинул дом внимательным взглядом, и Бернат представил, каким его жилье должно казаться проезжему человеку. А что? Хороший, добротный дом, беленые стены. Пусть крыша покрыта не черепицей, а соломой, зато подновляли ее лишь в прошлом году.

И на дворе чисто. Трава окошена, забор аккуратный, только этой весной поправил. Зимние сугробы старый заборчик совсем на грядки уложили, так Ката, еще весенние ручьи не просохли, начала увещевать: поправь, муж! Люди засмеют.

Под навесом-гатаром будущий постоялец снял успевшую вымокнуть шляпу и плащ.

– Вот здесь одежду оставьте, сударь, Ката потом просушит и почистит.

У входа в дом были устроены крючки для верхней одежды и стойки для рабочего инструмента и сумок.

Бернат отворил дверь, впуская гостя внутрь.

Ката в мучном облаке обернулась к ним, поправила прядку. Бернат точно знал, что цепкий глаз супруги не упустит ни одной детали и точно определит, какую цену взять за ночлег.

Сапоги гость тоже снял у входа. Огляделся, поставил на лавку у двери саквояж. Чуть поклонился хозяйке:

– Благодарю за приют, добрые люди. Меня зовут Ферг. Я лекарь.

Хозяева переглянулись, но ничего не сказали.

Шляпа гостя скрывала темные, до плеч, волосы, уже чуть тронутые сединой. Подбородок и щеки покрывала короткая борода, которую, пожалуй, еще пару дней назад можно было бы назвать щетиной. Лекарь смотрел внимательно и цепко, словно хотел надолго запомнить все увиденное.

– Идемте, сударь. Покажу, где будете спать. Сейчас принесу воды умыться с дороги. А там и ужинать сядем. Ката пирог поставила...

Лекарь кивнул, вновь подхватил сумку, прошел за Бернатом в дальнюю комнату. Бернат посмотрел, как тот устраивается на новом месте. Шагнул к окну, посмотрел на мокрый окошенный холм. Вынул из сумки свежую льняную рубаху и полотенце.

– Вам поесть-то в комнату подать или с нами отужинаете?

Гость легко улыбнулся:

– Я предпочел бы ужинать в компании. Если вы, конечно, не против.

Бернат уверил его, что будет рад оказанной чести, и поспешил за медным тазом и кувшином с водой.

Ката поймала мужа за рукав:

– Бернат, он лекарь.

– Я понял.

– Ты денег-то не бери... ты поговори с ним...

Бернат только усмехнулся. Жена думала ровно так, как думал он сам. Был у Каты племянник, хороший мальчуган, добрый. Да только, как тут говорят, поцеловал его Князь Мертвецов...

И можно было бы заранее гроб сколачивать, если бы не одно обстоятельство. Каждому в окрестностях столицы известно, что Лига лекарей и целителей Агера давно с этой напастью справилась. Ходили слухи, что есть даже особые обереги, что не дают душе раньше времени покинуть тело, возвращают и память, и здоровье. Если, правда, успеть с лечением...

Тэдора, сестра Каты, два дня проплакала, на третий послала мужика своего в город, но тот еще не вернулся. Может, агерские лекари и не захотели его слушать, а может, не смог он им сколько нужно заплатить. Семья-то небогатая...

Ката поставила в печь разогреваться тушеного с яблоками и тыквой зайца. Тыква была прошлогодняя, но в погребе прекрасно сохранилась. Там ждали своего часа еще три или четыре такие же. Кстати, о погребе... Ради такого дела можно и вина кувшин нацедить...

Когда собрались к столу, на улице стало совсем темно. В первую очередь из-за туч, которые нависли еще ниже и, казалось, брюхом уже задевали верхушки дальних сосен.

– Этой дорогой в наше время мало ездят, – начал осторожные расспросы хозяин. – Неужто заблудились?

– Ну что вы! Я хорошо знаю окрестности Агера. Дорога эта хоть и не самая наезженная, зато телег мало и экипажей. Не люблю глотать пыль. Впрочем, на тракте, возможно, или колесо не сломалось бы, или извозчик нашел бы кузницу по пути. Дождь нас сильно подвел.

– Да и не только вас... Издалека к нам?

– Издалека. Сейчас – от Буды, до того – из самой Лютеции... давно меня в этих местах не было.

Хозяин с уважением покивал.

– Сколько же вы это уже в пути? Чудные места, наверное, видели.

– Долго. И места видел разные. Удивительные места. А что же здесь, в Агере? Все такая же спокойная жизнь?

– Ну, у нас новостей мало. Разве проезжие чего расскажут, или кто из наших на рынок съездит. А давно никого не было...

– Неужели совсем никаких новостей?

Ката чуть поджала губы, надеясь, что муж не упустит момента, скажет про мальчика. Но Бернат молчал, и она тогда не выдержала:

– Есть, есть новость, сударь. Но никто не назовет ее приятной...

– Ну что ты, жена... не отужинали еще... а от этих разговоров аппетит у кого угодно пропадет!

Гость нахмурился:

– Не волнуйтесь, мой аппетит останется со мной при любых обстоятельствах. К тому же, Бернат, ваша супруга превосходно готовит.

– Да, это она умеет...

– Так что случилось?

Ката виновато вздохнула и ответила:

– А то, что Князь Мертвецов снова вернулся.

Лекарь чуть приподнял брови:

– Да ну?

Кажется, тема перестала его интересовать, потому что все внимание он вновь уделит заячьей ножке.

– Так и я бы не поверила, сударь, кабы своими глазами не видела. Судите сами. Есть у меня сестра. Они с мужем держат солеварню тут, у самой Горки. Ну и скотина у них, понятно. Два ослика, козы. Вот этих коз на лужок водит ее сын, мой племянник. Раньше водил. Да далеко ходить-то не надо было. Вон он, холм, за окошечком. Так за ним частные владения заканчиваются. Вот там у них козы и паслись. Умные они животные, эти козы, зря на них молва наговаривает. Вот Тэдора как-то заходит в свой огород... а там коза с козленком топчутся, знай, значит, ботву объедают... сами, выходит, пришли домой-то, дорогу не перепутали. Она их в сарай. Сын вроде недоглядел. Ну и пошла за холм-то. А он там и лежит. Ни живой, ни мертвый. Только в небо смотрит. А глаза пустые... Сначала еще бормотал что-то. А потом все... только вроде кашляет... Мы сначала думали, может, его ударил кто. Да я сама смотрела – нет ни синяков, ни ссадин. По всему и выходит, что Князь это. Князь Мертвецов. Вы сударь... – она чуть замялась, – как отужинаете, может, взглянете на мальчика? Мы с вас и денег за постой не возьмем, а то и сами доплатим, сколько скажете.

– Щедрое предложение. Я обязательно посмотрю на вашего племянника, хозяйшка. Давно ли с ним это случилось?

– Да вот уж четвертый день пошел. Муж-то Тэдорин в город поехал, за лекарем. А вот как получилось. Судьба-то к нам вас сама привела.

Лекарь кивнул. Отставил опустевшую тарелку. Сходил за своей кожаной сумкой:

– Идемте!

Идти было недалеко. Сестрица Каты жила через двор.

Высокая худощавая женщина в годах, на вид постарше жены Берната, гостям удивилась, но расспрашивать не стала – горе притупляет любое любопытство.

– Я лекарь, меня зовут Ферг. Разрешите осмотреть мальчика?

– Конечно!

Женщина сцепила руки и поспешила показать дорогу, освещая путь масляной лампой.

– Вот, сударь, это здесь.

Мальчика, на вид лет четырнадцати, скорее, следовало называть юношей. Он лежал, укрытый одеялом, которое не морщила ни единая складка. Взгляд его был устремлен в потолок.

Лекарь, поморщившись, достал из кармана какую-то магическую вещь, на конце которой через мгновение вспыхнул яркий желтоватый луч. Лучом лекарь поводил по лицу больного. Ресницы сомкнулись, чуть приподнялась верхняя губа: свет ему не понравился.

– Стихийная деменция магической природы, – непонятно сказал лекарь. – Только этого не хватало.

Затем он достал из дорожной сумки еще один предмет – гладко отшлифованный деревянный шарик. Вложил его в руку юноши. Правой своей рукой накрыл его пальцы вместе с шаром, кистью левой руки коснулся лба. Долго хмурился, прислушиваясь к чему-то. Затем покачал головой:

– Это не Князь. Внешне похоже, но природа магии другая. Амулет на нее не реагирует.

– Так, может, этот ваш амулет...

– Надежный. Я сам его делал. Да и использовать пришлось не так давно. Нет, тут другое.

Нужно разобраться...

– Так что же?

– Завтра, как до города доберусь, пришлю сюда ученика и телегу. Придется вам недельку в городе пожить. Попробуем найти решение.

Назвавшийся Фергом вздохнул и добавил:

– Излечения не обещаю. Обещаю сделать все, что в наших силах.

Он погасил свой магический луч, и в комнате сразу стало полутемно.

«Боюсь, этот случай – не единственный», – пророчески подумал он.

Назад в дом Берната возвращались в молчании, но только закрылась дверь, хозяин спросил:

– Скажите, сударь, вы маг?

Ферг кивнул:

– Немного.

– Воевали, наверное?

– Было дело. Но я лекарь, а не солдат. Мне чаще приходится возвращать жизнь, чем...

– Понимаю. У нас сын в рекруты пошел. Содержание ему хорошее дали. Многие князя Бертока ругают, но, по мне, прав он, поддерживая армию. Без армии любая страна пропадет. Даже если время кажется спокойным и тихим.

– Сейчас разве спокойное время? – удивился Ферг.

– А как же! Разве вон вольные за Тисой меж собой воевать начнут. Но это не считается, это вроде не наши земли. Они все-таки моравские данники...

Лекарь усмехнулся в усы и не стал спорить с хозяином. Но новости про загорских князей запомнил. Раньше он не слыхивал, чтобы они решали разногласия силой.

Хозяйка послушала их немного, да и достала загодя подготовленный кувшинчик молодого белого вина.

Перед тем как лечь в постель, лекарь вынул из сумки бумагу и чернильный прибор и долго писал что-то при свете свечи. Бернат, засыпая, все еще видел косой луч на половице.

* * *

– Не так! Бела, демон твою душу!

Белала Вораш пожала плечами. Подняла со стола матово-белый камень, сообщила:

– Я быстрее взглядом в нем дырку просверлю, чем магией.

Жрец нахмурил тонкие брови:

– Бела, боги тебя не слышат! Повтори призыв.

– Да нету их тут, я не ощущаю. Вашу магию, Тольбе, чувствую. А больше нет никого.

Черные, с бежевыми вставками, ниспадающие одежды жреца колыхнулись, когда он протянул руку и, шепнув короткое слово призыва, коснулся камня. В центре матовой сферы, как раз под указательным пальцем, образовалось аккуратное отверстие.

Белала послушно повторила те же самые действия, и они опять не принесли результата. Она разозлилась, взяла камень в руку и заставила светиться изнутри. Без всякого призыва, одним усилием воли.

– Напрасно тратишь собственные силы, – вздохнул жрец. – Ладно, ступай. Я напишу мастеру Гархашу, может, он снисходительно отнесется к твоему нраву. Но я не завидую тому, кто займется твоим обучением.

Белала небрежно поклонилась и вышла. Вредный старик в последний месяц перед отъездом допекал ее больше обычного. Правда, результат их занятий по-прежнему оставлял желать лучшего. Дело не двигалось с мертвой точки, даже если Бела искренне и честно выполняла все требования Тольбе. Но жрец сдаваться не собирался. И в результате Бела досконально знала все три тайных обряда, все ключевые порядки на служении Великим Заточенным богам и даже Доктрину жертвы вольной и невольной, хотя и говорила много раз, что храму себя посвящать не собирается.

Особенно если открываются другие, куда более интересные перспективы.

Белала хотела стать, ни много ни мало, боевым магом. Трансильвании нужны сильные маги, и совет мастеров иногда набирает новых учеников. Правда, обычно это мальчишки от десяти до двенадцати лет. Но бывали и уникальные случаи. Даже Тольбе признаёт, что у нее способности к магии сильно выше среднего.

Впрочем, даже если и не удастся, в столице у нее наверняка будет больше возможностей для успешной карьеры, чем в родном захолустье. Что бы об этом ни думал отец.

До отъезда в столичный Сибу оставалась одна ночь. Вещи собраны, няньки уже проплакали глаза, заранее прощаясь с непутевой воспитанницей. Даже приятели Лас и Гет успели вручить ей прощальный подарок. Белала тепло улыбнулась воспоминанию. Парни сами выковали специально для нее пару отличных метательных ножей с рукоятками в форме головы демона. Лезвия их были остро заточены. К ножам полагались кожаные ножны. Предполагалось, что один из ножей нужно носить пристегнутым к левому предплечью, а второй – к бедру. К ножнам даже были прикреплены специальные ремешки с пряжками. Бела, конечно же, сразу прицепила ножны куда следует и обнаружила, что они совершенно не мешают двигаться. Надо только одежду подобрать такую, чтобы и скрывала их, и не мешала быстро достать.

Хороший подарок. Куда лучше, чем отцовские. Бела даже удивилась его выбору. Серебряное кольцо с крупными красными камнями, зеркальце, какие обычно возят в багаже, веер. Кружевной, с пушистыми перьями и глазами черного опала.

Это были красивые вещи, может, и необходимые знатной даме для столичной жизни, но какие-то непонятно далекие и ненужные.

– Госпожа Вораш! Отец ждет вас в библиотеке! – издали окликнул слуга.

– Иду!

Библиотека в замке маленькая – всего три небольших стеллажа с книгами. Все они достались Белферану Ворашу в наследство от дяди, который и был первым хозяином имения, а также мебель, большая часть здешней прислуги и даже Тольбе, жрец Заточенных богов. В замке был маленький домашний храм с жертвенником и молельней. По большим праздникам жертвенник омывала кровь специально выращенных куриц и гусей. По мнению Белалы, курицы и гуси страдали зря – весь мир знает, Заточенные уже тридцать лет как мертвы.

...Граф Вораш сидел за дубовым столом и перекладывал какие-то старые, уже желтые от времени бумаги. У него за плечом стоял высокий молодой человек в приметной военной одежде – долгополом сером доломане, украшенном шнурами и черными лентами. Короткий черный плащ его был накинут на одно плечо. Такую одежду с недавних пор стали носить конные воины и военные маги горного Муреша. Муреш – княжество маленькое, но оно считается главным союзником Трансильвании в военных делах, к тому же их маги самые могущественные по эту сторону Карпатских гор.

– Бела, познакомься. Этого молодого господина зовут Галат. Он только что прибыл из Сибу. Князь просит нас поторопиться, так что выезжаем на рассвете. Я надеюсь, ты готова?

Галат чуть поклонился. Бела подумала, что самой заметной его чертой является мундир. Стоит отвернуться, и ни лица не вспомнишь, ни даже цвета глаз.

– Магистрат и совет магов Трансильвании в особом порядке рассмотрели мое послание. Нас уже завтра примет сам князь Орель. И возможно...

– Не нужно торопить события, – предостерег офицер Галат. – Господин Вораш, ваши успехи на дипломатическом поприще были высоко оценены. Однако с вашей дочерью двор пока мало знаком.

– Я должна произвести впечатление, – улыбнулась Белала. – Я готова. Для этого ведь мы и собирались в Сибу?

Галат снова склонил голову, соглашаясь.

Белферан заметил:

– Возможно, не только для этого. Однако не будем торопить события, как правильно заметил господин капитан. Ступай. До рассвета осталось не так много времени.

Белала, вежливо попрощавшись с отцом и его гостем, покинула библиотеку. Но отправилась она не в ту маленькую комнатку, которая служила ей обычно и учебным кабинетом, и спальней. Она быстрым шагом пересекла двор и поднялась на донжон. В этот час замок казался маленьким и пустым. Даже заброшенным. И два чадающих факела у ворот лишь подчеркивали это впечатление. Сверху, с открытой всем ветрам наблюдательной площадки, факелы выглядели светлячками...

Над лесистыми склонами медленно таял закат. Небо вылиняло, и на белесом его фоне редкие облака казались перьями фламинго – такие же легкие и насыщенно-розовые.

А на западе небо уже наливалось синевой. И там, низко над горизонтом, висела стареющая луна. Огромная, словно нарисованная. На ее боку легко было различить линии, точки и пятна. Говорят, луна потворствует Заточенным богам. При ее свете боги сильнее.

Но Белала пришла сюда не для того, чтобы продолжить эксперименты с призыванием божественной помощи. Просто захотелось побыть одной, подальше от суеты, от взволнованной прислуги, от настойчивых наставников. К слову, их у Белалы было аж четверо. Правда, в

последний месяц чаще всего Бела занималась именно с Тольбе. Так решил отец. Она спорить не стала: подумала, что это одно из условий ее будущей жизни в столице.

Под крышей о чем-то перед сном судачили голуби. В поле за замковой стеной одиноко горел костер.

Тихо, спокойно и безмятежно. Сейчас даже жалко уезжать – как там еще сложится на новом месте?

Но поездку уже не отменить.

«В конце концов, мне не шестнадцать лет, и я не дебютантка, впервые едущая в столицу. Я уже была в княжеском дворце Сибу. Я даже помню покои, в которых мы жили. И еще я представлена самым знатным домам Трансильвании. Я еду не просительницей. Я возвращаюсь домой! Вот так!»

Четыре года назад Бела действительно впервые посетила столицу. Отец не скрывал тогда, что желает выдать дочь замуж. Он даже сговорился о ее свадьбе с юношей из знатной столичной семьи. Однако свадьбе этой не суждено было случиться. Жених погиб, Белалу срочно отправили в фамильный замок, а Белферан уехал в соседнюю Северную Паннонию, получив официальный чин посла Трансильвании при Паннонском дворе. Белала позже пыталась выпросить у отца обстоятельства ее неудачного замужества, но тот молчал, отговариваясь незнанием.

Возвращение домой ее расстроило, но не сильно. Столица успела надоест, корсеты она терпеть не могла, и среди прелестных юных особ не обнаружилось ни одной, с которой бы она сошлась. А дома ждали привычные приятели – молочный брат Ласло и его друг Гет. Все детство они были неразлучны.

Даже теперь, когда у Ласа уже своя кузня и он всерьез занялся оружейным делом, а Гет не так давно привел в дом молодую жену, они остаются для Белы все теми же мальчишками-приятелями, с которыми вместе рыбачили и ночью забирались на старое кладбище – «кто первый пискнет». И к кому всегда можно обратиться за помощью. К ним сама первая побежишь на подмогу, «если вдруг что».

Может, больше ей не суждено будет с ними увидеться. Но память о приятелях она сохранит...

Небо окончательно погасло, загорелись яркие звезды. Все-таки нужно спуститься к себе и попробовать заснуть. Потому что в карете кроме них с отцом будет еще этот Галат. А дремать при нем Белале совершенно не хотелось.

* * *

Сибу – шумный город. Построенный почти двенадцать веков назад, он не раз бывал разрушен во времена войн и смут.

Князья Трансильванские перебрались сюда не так давно, примерно когда на главной городской площади – местные жители называют ее Старой – был сооружен великолепный храм Заточенных богов. Случилось это сто лет тому назад. Строили храм, не жалея средств, специально пригласили мастеров и архитекторов из Лютеции, и равных ему не было. Именно в тот момент жреческий капитул перенес престол Заточенных в Сибу, а тогдашний князь провозгласил, что его дворец окнами будет выходить на ту же площадь, на которую взирают скульптуры Сибушского храма. Только обряды в храме Заточенных богов велись недолго. Многие и сейчас рассказывают о всадниках, что приходят с неба, и о кровавой битве, которая разыгралась в его стенах. Храм закрыли на многие годы. Но внешне он за минувший век почти не изменился...

Перед войной город разросся так, что поглотил несколько окрестных селений. Однако война все вернула на круги своя. Храм Заточенных больше десяти лет после окончания боев стоял пустым, и только недавно в нем снова начали свершаться обряды и таинства.

Лошади устало цокали по брусчатке, Бела сквозь маленькое окошко изучала дома и одежды горожан. Стоял хмурый полдень. До приема у князя оставалось всего несколько часов. За это время нужно было успеть отдохнуть, привести в порядок прическу и одежду. За свое платье, самое лучшее из трех, Белала почти не волновалась. Платье сшили весной, как только отец принял окончательное решение вернуть ее в столицу.

Белферан знал о желании дочери посвятить себя магическому искусству и не делал ничего, чтобы воспрепятствовать этому стремлению. О возможном браке речи он не заводил, и Бела решила, что вопрос этот будет поставлен позже, когда она пообвыкнет на новом месте и заведет самостоятельные знакомства.

Наконец добрались до большой гостиницы, претенциозной, почти в самом центре. Бела, правда, не успела рассмотреть лепнину на фасаде и даже название не прочла – карета, не останавливаясь, въехала в ворота. А дальше – словно пресловутый ритм столичной жизни подхватил Белалу и понес легко, но уверенно и неотвратно.

Вот Бела примеряет платье. Темное, но не черное, с кружевным воротником, красиво подчеркивающим линию шеи. Корсет стягивает талию.

Вот подходит к зеркалу. В зеркале она не похожа на себя. Вроде то же лицо – высокие скулы, карие глаза, пушистые ресницы. Прямые брови. Но волосы собраны в высокую прическу, а поверх еще и украшены серебряным венчиком-диадемой с рубином. На шее у нее то самое привезенное отцом кольцо. Рубины в нем огранены точно так же, как тот, что встроены в диадему, лишь узор металла немного отличается.

Вот стучит в дверь гостиничная служанка – пора, госпожа, карета ждет! И отец выходит из отведенных ему апартаментов. Ради визита к князю он переделался в дорогой костюм. Бархатный кафтан вишневого цвета с атласными лентами, черный короткий плащ до середины бедра, расшитый строгим серебром. Черные кюлоты. Белферан считает, что в его возрасте уже не стоит натягивать на себя одежды кричаще-ярких цветов. Такая мода свойственна Лютеции, но патриархальному мрачному Сибу куда более подходят благородные фиолетовые и вишневые оттенки. Отец много путешествует и всегда знает, в каких странах какую одежду предпочитают.

Вот они снова в карете, но ехать на этот раз недалеко. Гостиница одна из самых дорогих в городе, от нее до княжеского дворца всего квартал.

Слуга придерживает дверцу, и отец с дочерью поднимаются по широким ступеням...

Княжеский дворец в Сибу по праву можно считать самым красивым зданием города. Он, безусловно, уступает в размерах и убранстве знаменитому храму Заточенных и все же смотрится почти так же величественно. Стрельчатые окна, высокие башенки по углам, вход, украшенный порталами, и лестницы. Искусная резьба по камню.

Бела ожидала, что их проводят в парадную часть дворца, ту, в которой проходит большинство приемов и торжеств. Именно там живут придворные, именно там располагаются все галереи и особая гордость князя – фонтанный дворик...

Однако от главной лестницы слуга свернул направо. В ту часть здания, в которой Белале бывать не приходилось.

Поднялись по нескольким узким лестницам, миновали уютный каминный зал, в него, оказалось, можно заглянуть: маленькая «потайная» дверь была приоткрыта.

Слуга остановился у следующей двери, дернул красивый черный шнурок. Внутри явственно звякнул колокольчик. Дверь тут же отворилась, и на пороге их встретил смутно знакомый Беле дворянин средних лет. Одет он был строго и даже немного мрачно, словно и внешним видом подчеркивал: «Я здесь не просто так. Я работаю!»

Дворянин вежливо поклонился, пропуская гостей. Слуга притворил дверь.

Белала с любопытством оглядела хорошо освещенный коридор, в который выходили три двери. Одна, через которую они вошли, была маленькой, едва приметной. Две другие – высо-

кие, красного дерева, украшены тонкой резьбой и позолотой. Дворянин проводил их к той, что слева.

– Кабинет князя Ореля. Прошу вас!

Князя Белала узнала сразу. Светловолосый, невысокий, кряжистый. Выглядел он несколько моложе, чем запомнился. Видимо, четыре года назад сорокалетний мужчина показался ей почти стариком. Бела поклонилась, стараясь, чтобы каждое движение строго соответствовало этикету.

Кабинет его светлости был уютным. И вместе с тем возникло чувство, что хозяин сюда заходит редко. А самый частый гость здесь – служанка с тряпочкой и метелочкой, что раз в неделю со всем старанием протирает и вычищает здесь все, от резного кресла до посуды в высоком шкафу.

– Проходите, графиня, граф. Прошу вас сюда, к окну. Вы, наверное, удивлены, что мы встречаемся вот так, почти тайно? Что ж. К несчастью, таковы обстоятельства. Граф, я надеюсь, вы ознакомились с содержанием моего вам предложения?

– Безусловно, ваша светлость.

– В таком случае мне остается добавить, что время вашего отъезда изменилось. Вы отправляетесь в путь завтра же. Графиня, как это ни печально... я был бы рад видеть вас на ближайшем приеме, и я уверен, вы бы пользовались там большим успехом. Но такой прием – лишь через два дня. К сожалению. В это время вы будете уже в пути.

Белала лишь поклонилась. Похоже, князь уверен, что отец ознакомил ее с содержанием письма. Однако Белферан, очевидно, предвидел, что она будет против...

То-то он пропускал мимо ушей вопросы, касавшиеся их планов в столице! Он просто знал, что в столице они пробудут недолго...

– Белала, я знаю, что вы не лишены магического дара. И еще я знаю, что вы, хоть и достигли двадцати лет, так и не прошли посвящения Заточенным богам. Там, куда вы отправляетесь, посвящение вам пригодится. Среди жителей Паннонии много тех, кто тайно продолжает чтить наших истинных богов. И это далеко не крестьяне.

Ага, – записала Бела в памяти, – Паннония. Вот куда мы едем! На запад. Страна невысоких гор, быстрых рек, пастухов и древних развалин...

Ах, если бы отец рассказал ей заранее, она бы успела расспросить людей и почитать книги. Может, знала бы сейчас больше.

– Я предлагаю вам пройти этот несложный обряд сегодня. Вам выпадает редкий шанс – попасть внутрь самого прекрасного из храмов современности! Выгляните в окно!

Казалось, храм Заточенных совсем рядом. Его тонкие шпили, скульптуры, контрфорсы и аркбутаны...

Воздушный и одновременно – огромный. Мрачный и ажурно-легкий...

– Красиво.

– Я так понимаю, вы согласны. В таком случае, – князь сделал нетерпеливый жест, – следуйте за мной!

Изнутри храм выглядел едва ли не величественней, чем снаружи. Стройные колонны тянулись вверх, к каменным сводам, по ним скользили разноцветные блики – это солнечные лучи дробились и играли в витражных стеклах...

У входа в главный зал Белу поразили две симметричные фигуры взлетающих птиц. Девушка без колебаний определила – соколы! Вот только каменные глаза скульптур оказались закрыты искусно выполненными из золота повязками.

– Зачем это?

– Хотите, расскажу одну поучительную и печальную историю?

– Конечно.

– Мне нравится, как вы держитесь, Белала! Вы достойная дочь вашего отца. Он ведь не сказал вам о цели вашего визита во дворец?

– Не сказал. Благодарю, ваша светлость.

– Так о чем я? Ах да! Птицы. В конце прошлого века, во времена, когда Трансильвания достигла своего расцвета и купцы со всего света стремились сюда, чтобы выгодней продать свой товар, в те времена к моему предку, князю Сорину Первому, пришли адепты новой, неведомой религии. Они перебрались в Трансильванию из менее благополучных земель. А мой предок был ревностным почитателем Заточенных. Сейчас таких преданных последователей уже вряд ли найдешь... он, однако же, разрешил им основать общину здесь, в торговом Сибу. Люди эти рассказывали о силах Равновесия, которые якобы управляют миром. О своем боге... кажется, его звали Хедин... я точно не помню. Знаете, это одна из тех историй, которые я был вынужден учить в детстве. Конечно, она записана, и списки хранятся в дворцовой библиотеке. Я могу что-то забыть. Ну что же. Община прижилась. Люди это были богатые, многие из них позже вошли в городской совет... И вот решили они построить здесь храм. Этого своего бога. Их поддержали. Сибу тогда не был столицей, хотя успел разрастись до очень крупного торгового города, и здешние купцы, дворяне, градоначальники – все поддались этой идее. Кажется, потом уже поговаривали, что дело не обошлось без магии. Но этого нельзя сказать наверняка. Так или иначе, они выписали из Лютении архитектора, наняли целую артель гномов – а это во все времена было недешево... и началась самая грандиозная стройка, какую только видел Сибу. Строили храм лет двадцать. Это очень быстро для сооружения такой величины и красоты. И вот, когда дело почти завершили, по приглашению здешнего магистрата в Сибу приехал мой предок. К тому времени он был уже стар. Красота храма его поразила. Но куда больше – возмутила. Возмутила тем, что в честь какого-то малоизвестного божка возвели это величественное здание. Одним указом он повелел сделать Сибу столицей Трансильвании. Другим – распорядился на той же площади построить княжеский дворец. Для этой работы, кстати, наняли тех же гномов и того же архитектора. А на следующий день подписал третий приказ. По нему всех последователей нового бога или арестовали, или убили, а храм посвятили Заточенным... Только предок мой распорядился всем скульптурам, будь то люди, демоны или птицы, завязать глаза. Видите ли, ему казалось, что эти вот соколы на него смотрят...

– И в чем же мораль этой истории?

– Это не конец. Князь посвятил храм Заточенным богам. Он решил, что хватит скрывать свою преданность! Что теперь каждый житель страны может прийти сюда, чтобы им поклониться. Он пригласил жрецов. Он распорядился проводить древние обряды так, как их проводят в тайных общинах и теперь... Вы ведь догадались, о чем речь?

– Человеческие жертвы?

– Так и есть. Только праздник длился недолго. В одну из ночей случился страшный шторм. В храме в тот день шел обряд, но никто не стал его прерывать из-за какой-то там непогоды. Доподлинно неизвестно, что именно произошло в ту роковую ночь, но утром в храме обнаружили изувеченные тела почти всех жрецов. Очевидцы говорили, что их словно порубили мечами. Пол был красным от крови. Ни моего предка, ни старшего жреца тогда так и не нашли. А храм... Мой дед, сын князя Сорина, распорядился его закрыть. Он был мудрее своего отца. Мораль этой истории в том, что не нужно выставлять напоказ свои истинные цели. Это не принесло счастья ни тем, кто строил храм, ни тем, кто его потом... отнял. Вот мы и пришли.

В огромном светлом зале в пересечении лучей света стоял круглый камень-жертвенник. Возле него, в черных с легким бежевым узором одеждах, ждал высокий жрец. В руках его были лишь четки из черного камня.

Белала вдохнула глубже и сделала шаг вперед. Она успокоилась. У этого огромного прекрасного храма с их домашним святилищем имелась одна общая, но очень важная черта. В нем тоже не чувствовалось присутствия богов – храм был пуст.

Белала точно знала, что бывает иначе. В детстве ей пришлось посетить одну из молелен, посвященных Всеблагому Спасителю. В том храме Присутствие ощущалось в полной мере. Нельзя сказать, что бог-спаситель ей понравился. В молельне было неуютно и многолюдно. Но само понимание, каким должен быть храм богов, она вынесла именно оттуда. В огромном Сибушском храме, кроме маленькой магии людей, ничего не ощущалось...

Обряд был ей знаком по рассказам Тольбе. Белала даже знала, в какой последовательности какие слова будет произносить жрец. Нечего бояться. И зря князь рассказывал ей свои истории. Наверное, хотел настроить на мистический, торжественный лад. А вышло иначе.

Жрец закончил обращение, потребовал, чтобы Белала протянула руку. Ритуальный обсидиановый нож чиркнул по ладони, оставив неглубокий след. Губы Белалы зашевелились, вторя заклинанию...

Жрец вынудил ее коснуться жертвенника так, чтобы на поверхности камня остался след ее крови. Затем кончиком своего пальца, испачканного в ее крови, чуть выше запястья левой руки начертил грубые линии великой Звезды. Восемь стрел, восемь сторон света... нечеткий след крови быстро исчез. Руку обожгло чужой магией. Бела вытерпела. Ей было интересно, что дальше. Даже в этом заклинании не ощущалось следа магии Заточенных богов. Только то, что вложил сам жрец...

Там, где руки касался палец жреца, тонкими линиями выступил четкий рисунок Звезды. Вот и все. Действительно, простой обряд. Непонятно только, почему Тольбе сам не провел его?..

Жрец отпустил руку Белалы, поклонился и молча покинул зал.

Бела оглянулась на своих спутников – здесь ли? Ждут ее?

Ждали.

Отец было протянул ей руку, но князь остановил его:

– Граф, мне нужно сказать несколько слов вашей дочери с глазу на глаз. Оставьте нас ненадолго!

Белферан с поклоном отошел на расстояние, которое наверняка не позволило бы ему подслушать разговор.

– Белала... есть одно дело, которое я могу поручить только магу, и только тому, кто прошел посвящение. Вы едете в Паннонию. У вас найдется достаточно времени в пути, чтобы поближе познакомиться с этой страной. Все бумаги есть у вашего отца. Сам он будет занят налаживанием дружеских отношений с паннонским князем... Это не просто, уверяю вас. Князь Берток умен, подозрителен и не доверяет нам, хотя, боги видят, его недоверие не подкреплено ничем, кроме гнусных сплетен, домыслов и догадок. У вас же будет другая цель. Слышали ли вы когда-нибудь о Князе Мертвецов?

Белала нахмурилась. Когда-то она что-то такое слышала. Но, кажется, это была всего лишь сказка тех времен, когда ей еще рассказывали сказки на ночь.

– Кроме самого словосочетания, ничего не помню.

– Ну что ж... я расскажу. Лет тридцать назад правил Паннонией князь Эрно. Эрно Шорош. Говорят, он был сильным магом и очень недобрым человеком. Однажды он наградил собственный народ таким проклятием, что кое-где его последствия встречаются и сейчас. Никто не знает, что с ним случилось дальше, но, вероятно, он погиб, иначе хоть что-то да стало бы известно. Так вот. Мне нужно, чтобы вы собрали всю информацию об этом человеке. Все слухи, сплетни, легенды... все, что сможете найти. Можете считать это моим личным для вас поручением. Ах да. Если сумеете добраться до каких-нибудь его записей... мало ли, может, что-то сохранилось. Так вот, было бы неплохо заполучить сами эти бумаги или их магические копии. Однако рисковать не нужно. Если вы что-то узнаете, но добраться до бумаг окажется трудно, лучше сообщите мне письмом. Я найду человека, который выполнит всю сложную работу за вас. Будьте осторожны, Белала. Княжеский двор Паннонии Заточенных не чтит.

Однако есть люди, которые вам, безусловно, помогут. Отец вас с ними обязательно познакомит. Надеюсь, все понятно?

– Да!

Белала в душе радовалась. Кажется, вопрос ее карьеры на магическом поприще почти решен! Главное – справиться с поставленной задачей. Ну и, конечно, дальнейшее путешествие, новые места, новые знакомые – это куда лучше, чем жизнь при блистательном и шумном, но все-таки однообразном сибушском княжеском дворе.

– В таком случае идемте! Ваш отец волнуется.

Белферан не волновался. Он очень внимательно изучал основание каменной тумбы, на которой застыл один из ослепленных соколов.

Глава 2

Сквозь открытое окно в палату залетали разные звуки. Едва различимые голоса прачек, развешивающих постиранное белье, скрежет точильного круга. Лай собак с соседней улицы. Еще в палату тугим потоком вливались солнечные лучи, и в них плясали пылинки. Имре с удовольствием бы вообще никогда не закрывал окна и не завешивал шторы, но открытые окна грозили сквозняками, а сквозняки – обострением болезней у некоторых пациентов госпиталя.

Мастер распорядился открывать окна по расписанию, так что Имре ловил свой законный момент отдыха и одновременно любовался пылинками, танцующими в лучах света.

В этой палате, правда, простуда вряд ли кому могла грозить. Она принадлежит хоспису, а значит, у тех, кто здесь находится, и так не было шансов выжить. Все они пациенты мастера Ферга, знаменитого основателя Агерской Лиги лекарей и целителей. В родном доме они уже отдали бы души своим богам.

Сам Имре числился учеником мастера ди Годера, и его мастер был одним из лучших хирургов города. Но, к сожалению, он терпеть не мог, когда его ученики бездельничают, так что большую часть своего времени Имре работал санитаром у Ферга и других лекарей, чьи пациенты находились в госпитале постоянно.

Имре потянулся и собрался уже вернуться к тряпке и швабре, когда услышал от одной из кроватей странный звук. Словно больной тихо и часто закашлял.

Парень настолько привык к тишине, что от неожиданности выпустил швабру, и она шумно упала на пол. Никакого такого звука просто не могло быть: в этой палате лежат «стертые». В Агере говорят – их поцеловал Князь Мертвецов. Те, кому не посчастливилось попасть под проклятье и у кого в самый ответственный момент не оказалось в руках защитного амулета.

Имре даже дотронулся до своего «защитника» – маленький деревянный амулет-шарик он носил под рубашкой и никогда не снимал.

Звук повторился. Его источником оказался больной, которого привезли всего неделю назад. Из всех пациентов мастера Ферга он более всего, на взгляд Имре, заслуживал жалости. Хотя бы потому, что был почти его ровесником. Лежал целыми днями, глядя в одну точку, и ничего не видел. Только иногда моргал. Если бы не это и не ровное, глубокое дыхание, Имре решил бы, что парень умер...

Сейчас его зрачки бешено вращались, а из горла то и дело вылетал этот странный, похожий на кашель звук. И руки... суставы побелели от напряжения, пальцы дрожали, но не двигались.

Имре бросил швабру, выглянул в коридор. Там обнаружилась лишь одна ученица – товарищ Имре по несчастью. Она протирала рамы украшавших стены картин.

Нет, она тут не поможет... Кабинет Ферга этажом ниже. Надо туда!

Они встретились на лестнице.

– Мастер, в хосписе...

Ферг, не дав ему договорить, кивнул и через ступеньку поспешил на верхний этаж.

Там ничего не поменялось.

– Вот, – зачем-то сказал Имре.

Руки пациента выполняли странные, короткие движения, пальцы шевелились.

– Давно началось?

– Да нет, я сразу. То есть... самое большее две минуты. Может, я не сразу заметил.

– Понятно.

Ферг склонился над больным, нахмурился:

– Понадобятся ремни. И позови санитаров, эта кровать не выглядит надежной, попробуем переложить.

– Да он же тихий.

– Ну-ну. Давай-ка, сходи к Элайзе. Скажи ей, пусть она капли подготовит. Успокоительные.

Имре облизнул губы и отправился исполнять, но у выхода все же обернулся:

– А что с ним? Он тихо лежал, а потом вот так стал... Я его не трогал.

– Не знаю пока. Очень похоже на кататонию, но почему на пустом месте? – Ферг дернул себя за нижнюю губу и философски добавил: – Посмотрим, как будет развиваться.

Больной снова издал несколько кашляющих, захлебывающихся звуков.

– Вот я это и услышал. Сначала тихо было, а потом началось. Я думал, кашляет.

– Не похоже. Ну-ка, скажи что-нибудь на вдохе!

Имре попробовал. Получилось со второго раза. Но первая попытка напугала его самого – он в точности повторил звук, вылетающий из горла больного.

– Он пытается говорить?

– Не знаю. Будем наблюдать, это первый случай.

Имре, видя, что Ферг не настаивает на немедленном исполнении распоряжения, сделал шаг назад, в комнату. Ему было интересно. Он никогда не думал, что старший мастер госпиталя может чего-то не знать.

Больной меж тем немного успокоился, только пальцы продолжали беспорядочно шевелиться.

– Может, ему мешает свет? – предположил ученик.

Ферг опустил штору. Яркий ромб солнечного света на полу у кровати погас, стало темно, но на изменение освещения больной не среагировал.

– Как видишь, нет. Только... Ну-ка, подойди ближе...

Больной сфокусировал взгляд на лекаре и внезапно резко, громко зашипел. Даже слюна полетела. Лицо при этом исказилось так, словно его скривило судорогой.

– Будем наблюдать, – повторил Ферг.

– Княжья болезнь...

– Глупости. На начальных стадиях похоже, и не более того. Но должен сказать, у этой болезни, как и у княжьей, сходное происхождение. Здесь первопричиной, насколько я вижу, тоже стала магия. И в связи с этим... будем надеяться, что обойдется без магической эпидемии.

Имре поморщился, потому что не очень верил в подобное. Магоэпидемии раньше случались, да. На юге – или в Галлии, или у греков... и это было много веков назад. А с другой стороны, проклятье Князя Мертвецов вполне подпадает под эту категорию. Просто никто так не называет.

Пока парень рассуждал, Ферг закончил мысль:

– Чтобы устроить серьезное проклятие, нужно быть магом очень высокого ранга или же иметь доступ к чужой магической силе, что, собственно, и произошло в случае с Эрно Шоршем. Сейчас нет никого в Паннонии, кто подошел бы на роль проклиняющего. Можно заподозрить также действие амулета или иного магического накопителя, но у нас пока мало сведений, чтобы опровергнуть эту версию или ее подтвердить. А значит, нужно больше данных. Да нет, заговоренные предметы оставляют характерный след в конфигурации постоянного магического поля, мы бы не пропустили. Нет, здесь что-то другое.

Объект их разговора вновь завращал глазами и вдруг весь напрягся, выгибаясь в постели дугой, затем начал хаотично двигать руками и ногами.

– Может покалечиться, – сказал Ферг. – Вот затем и ремни. Придется тебе поторопиться. Не забудь про санитаров и капли!

Имре вернулся очень быстро. В руках он держал надежные кожаные ремни, которыми здесь, в госпитале княжеской руки, пользовались исключительно редко: опытный маг может

на время успокоить любого больного, не прибегая к насилию. За Имре топали по лестнице санитары.

– Мастер, там к вам... Элайза сказала, сам князь Берток хочет вас видеть.

Ферг обернулся к Имре:

– Сам с ремнями справишься? Нехорошо заставлять ждать его светлость.

* * *

Князь был молод, может, чуть старше тридцати, высок ростом и хорошо сложен. В ожидании он мерил шагами приемный покой, и выражение его лица не сулило лекарю ничего хорошего.

– Доброе утро, ваша светлость, – поздоровался Ферг, скидывая через голову белую медицинскую хламиду.

– Мне доложили, что ты вернулся неделю назад. Это так?

– Совершенно точно.

– Очень хорошо. В таком случае почему я должен узнавать о твоём возвращении у придворных сплетников и слуг? Почему ты сам не сообщил мне о своём приезде?

– Я отправил письмо с посыльным. Полагаю, этого было достаточно. Насколько мне известно, в Китшоэ никто не болен, и потом, неужели вас больше не устраивает господин Лештон? Насколько мне известно, он компетентный врач.

Князь Берток лишь в нетерпении дернул рукой:

– Лештон – хороший врач. Однако ты меня интересуешь куда больше. Ты маг, Ферг. И ты долгое время был моим личным лекарем. Ты просил у меня год... Но тебя не было почти два. И вместо того чтобы явиться ко мне лично, ты запираешься у себя в хосписе, как будто твои эти... не подождут еще пару дней, когда они ждали два года.

– Рассказывайте.

– Это ты рассказывай. Где ты был все это время? Я князь. Ты – всего лишь один из моих подданных.

– Я учился. И путешествовал. Присядьте, ваша светлость. Если вам действительно нужны мои медицинские знания и навыки в деле врачевания, вы вполне можете на них рассчитывать. Если вы по мне заскучали...

– Знаешь, Ферг, – почти спокойно сказал князь, – а ведь я действительно почти забыл, какой ты невежа.

Ферг чуть поклонился, ожидая продолжения. Но продолжения не последовало. Князь внезапно перешел к делу:

– Зимой в окрестностях Агера нашли одного знатного молодого дворянина. Ваши лекари, из Лиги, единогласно сказали, что это – поцелуй Князя Мертвецов. Вот только на шее у юноши было это...

На стол перед Фергом лег простой амулет – деревянный шарик на серебряной цепочке.

Ферг провел ладонью над амулетом – тот отозвался ровным током знакомой магии.

– Он умер на руках у безутешной вдовы оттого, что твои амулеты перестали защищать от Князя!

– Амулет в порядке.

– Тогда как ты объяснишь то, что произошло? Это ведь не единственный случай.

– Я знаю, ваша светлость. И еще раз готов повторить – с амулетами все в порядке. Непорядок – с самой болезнью. Могу вам сейчас совершенно точно сказать, что наследие князя Эрно к этой новой беде не имеет отношения. Сейчас я занят исключительно тем, что пытаюсь выяснить, что это за магия и где ее источник.

– И, разумеется, безуспешно.

– Прошла всего неделя, князь. В прошлый раз нам понадобилось три с половиной года. Могу точно сказать, что причина болезни – не амулет и, скорей всего, не проклятие. Вероятность последнего, впрочем, до конца еще не отмечена.

– Что же я должен сказать людям? Ах да. Я пришел, чтобы официально предложить тебе должность моего личного лекаря. Моего и моей супруги. Лештон уезжает к себе в Моравию, у него там кто-то умер... или родился... не знаю. Возвращайся. Твои комнаты никто не занял.

Ферг помедлил. Потом с нажимом уточнил:

– Все мои комнаты?

Князь поморщился и кивнул. По его мнению, Ферг был той еще занозой, но считаться с ним приходилось. Что ни говори, а он все еще оставался сильнейшим магом Северной Паннонии... а может, и всех окрестных государств. Кроме того, Ферг считался его дальним родственником. По отцовской линии.

* * *

После пышного и яркого Сибу Агер показался Белале аскетичным и отсталым, каким-то слишком уж провинциальным. Слишком узкие улицы, маленькие площади, на которых теснились казенные дома, лавочки и салоны. И центром города являлся не нарядный княжеский дворец, а большая рыночная площадь. Шумный рынок, правда, был обнесен каменной стеной со складами и магазинами приезжих купцов. Самые богатые дома города располагались в стороне от этого людского муравейника и примыкали к княжескому замку, расположенному на вершине холма. Про замок Белала успела узнать, что он называется Китшоэ. Таким было прозвище его первого владельца.

Дом, который князь Берток выделил для семейства трансильванского посла, располагался так, что из окон второго этажа были хорошо видны кованые ворота замка. Это оказался очень хороший каменный дом в восемь комнат, в нем даже нашлось место маленькому танцевальному залу. Восточную стену дома оплетал зеленый плющ, а на башенке, украшавшей высокую крышу, когда-то разводили цветы. От цветника остались кадки, горшочки и лотки с землей. Кое-где из кадок торчали сухие стебли.

Бела первым делом обошла все помещения от кухни до этой самой башенки и осталась довольна. В родовом замке у нее была всего одна маленькая комната, а тут две, и обе с большими окнами, выходящими в сад. Одна комната оказалась спальней. А вот другая...

Эту комнату обставляли и украшали, точно зная, что в ней будет жить молодая незамужняя женщина.

В голове вертелось только одно не очень понятное слово, которым иногда называл ее апартаменты отец: «будуар».

Стены обиты кремовым шелком с розами и чудесными птицами. Огромное зеркало в дубовой раме и столик под ним – очевидно, предназначенный для разных мазей, притирок и румян. Удобное кресло, гардероб из мореного дуба... Шелковые же, собранные декоративными складками занавески.

«Хорошо, – подумала Бела. – Но мне нужна еще одна комната. В этом будуаре магией заниматься будет нельзя».

Возле зеркала обнаружился витой шнурок. Такие в богатых домах Сибу устраивают специально для вызова прислуги. Из любопытства Белала дернула, и через минуту в ее комнату вошла миловидная горничная. Бела решила, что девушка вряд ли сильно ее старше.

– Здравствуйте, госпожа графиня. Меня зовут Зарина, и я в полном вашем распоряжении. Я уже три года работаю горничной в этом доме и все здесь знаю.

Бела, хихикая про себя, сделала строгое лицо и спросила:

– Вероятно, твою работу оплачивает казна?

Зарина поклонилась.

– В таком случае я добавлю к твоему жалованию еще десять серебряных монет местной чеканки. Но уговор – ты будешь докладывать обо мне своему нанимателю только то, что мы с тобой обговорим заранее. Согласна?

Девушка широко улыбнулась и спросила:

– А что, если я никому ничего не докладываю?

– Ну, в таком случае это будет твой чистый доход. Но если обманешь, я все равно узнаю правду.

– Я отчитываюсь перед начальником замковой охраны. Обычно он мои новости слушает вполуха и тут же забывает.

Белала пригласила служанку войти в комнату. Спросила:

– Когда ты здесь обычно прибираешь?

– При прошлых господах прибирала днем, когда они уезжали в замок или развлекаться. Я буду вам очень благодарна, госпожа графиня, если вы сами скажете, в какой час мне лучше приходить.

– Вечером, – не задумываясь, ответила Бела. – Обычно всякие важные встречи в замке и других местах бывают по вечерам. Комната будет пустовать. А скажи, Зарина, ты родилась здесь, в Агере?

– О да, госпожа. Я очень хорошо знаю город! Вам нужно куда-то съездить? Я провожу.

Бела лишь улыбнулась: как же ярко светятся любопытством глаза служанки! Как же ей хочется поучаствовать в чем-нибудь тайном и, может быть, немного опасном, чтобы потом рассказывать о приключении таинственным шепотом при свечах. Бела ее понимала. Было в этой улыбочивой русоволосой горожанке что-то, что напомнило Белале ее саму.

– Пока нет. Мы только приехали, и я еще не успела обзавестись знакомыми. Но мне хочется поближе узнать город, в котором предстоит жить. Я в Агере впервые...

– Понимаю! Хотите, расскажу, какие здесь есть модные салоны и...

Бела качнула головой:

– Про салоны мне и так расскажут. А вот я слышала, что Агер стоит на древних развалинах... Это правда?

– Правда. Только от них мало что осталось. Камни еще в старые времена использовали для строительства. Но у нас есть музей. Он недалеко от рынка, и туда пускают за деньги посмотреть разные редкости. Только туда никто не ходит – скучно.

Бела подумала, что, пожалуй, уже можно заняться поручением, полученным в Сибушском храме.

– Вот что, Зарина, присядь-ка. И расскажи мне обо всех местах, которые в городе можно посетить знатной чужестранке, чтобы получше узнать Агер и его жителей.

Служанка с наигранной робостью присела на мягкий пуфик и глубоко задумалась.

Белала сочла возможным подсказать:

– Музей – это хорошо... но есть же какие-то особые места... овеянные легендами и тайнами. Что-то такое, о чем обычно не рассказывают иноземцам.

Лицо Зарины просветлело:

– Конечно, есть. Например, заброшенный храм Заточенных богов... В городе ведь ни одного храма не осталось. Князь Джерго повелел разрушить их сразу, как его брат Эрно наслал проклятие... и Арену разрушили. Там, где была Арена, сейчас городской парк. Он к улице Мага примыкает. Рассказывают, что в том парке ночью в полнолуние можно встретить призраков тех, кого убивали во время представлений...

– Проклятие? – нахмурилась Белала.

– А вы что же, никогда не слышали о проклятии Князя Мертвецов?

– Я почти ничего не знаю об Агере.

Зарина села удобней и начала рассказывать с интонацией бывалой сказочницы:

– Это случилось здесь, на Агерской земле. Старики говорят, правил тогда страной молодой князь Эрно. И была у него жена, княгиня, и маленький сын. Но был он человек недобрый и мстительный. Тогда как раз закончилась война...

– Погоди, Зарина, война закончилась всего лет тридцать назад!

– Тридцать семь. Тогда это и случилось! Слушайте дальше! Война закончилась, но не всех завоевателей и черных магов уничтожили. И князь Эрно втайне был одним из них. И совсем не из последних. Но он долго скрывал свои цели. Старики говорят, что это он убил родного отца, чтобы быстрее начать править Паннонией и учинить здесь свои порядки. Он приказал построить Арену – специальное место, где должны были сражаться люди и животные. Тигры, львы... Мне дед рассказывал, что там был даже дракон! Правда, я не очень верю. И почти сразу закрылась Паннонская Академия, а ведь она считается одной из самых старых в мире.

– А сейчас?

– Сейчас ее, конечно, восстановили. И театр. В городе тогда закрыли и театр тоже. Даже запретили устраивать представления на рыночной площади – это чтобы как можно больше народу ходило смотреть на бои, которые проводились каждую неделю. Каждый день оглашались новые запреты. А всякие... – Зарина перешла на шепот, – всякие жрецы Заточенных почти перестали скрываться. И людей тогда казнили за малейшую провинность. А кого не казнили, высылали из страны. Князь Мертвецов выслал даже собственного брата. Боялся, что тому надоест терпеть и он устроит переворот. И тогда его жена тайно бежала из дворца, прихватив с собой маленького сына. Они хотели спрятаться в Моравии, но погоня шла по пятам. Княгиня и ее спутники укрылись в пещере, которая расположена к северу отсюда. Это очень большая пещера, в ней легко заблудиться. Но там, в одном из залов, древние люди сложили каменный лабиринт...

– Вот бы на что посмотреть...

– Не получится. Я недорассказала. Князь Эрно несколько дней преследовал беглецов и настиг их в той пещере. Конечно же, спутники княгини решили защитить ее, даже если придется отдать свою жизнь. Но Эрно посчитал, что княгиня его предала, и призвал силу всех присягнувших ему магов. Может, вы не знаете, графиня, но у нас есть такой обычай – маги Паннонии присягают своему князю и клянутся отдать свою магическую силу, если нужно будет для защиты страны. А Эрно ударил этой магией по своей бедной жене и ее спутникам. И теперь в пещере... она называется Агдоле, если не боитесь, мы можем туда съездить... Так вот, теперь в той пещере над каменным лабиринтом магический купол, под которым вечно умирают враги князя. А магия его была такой силы, что ударила по всем жителям страны. Потому что присягали ему все самые сильные маги Паннонии, а такая сила просто так не дается. В одночасье десятки людей забыли, кто они, откуда родом. Забыли всё, даже как ходить и говорить. И если сначала они еще как-то реагировали на то, что происходит вокруг, то со временем все больше уходили в себя, пока просто не умирали в своих постелях. А самое главное – это продолжалось долго, больше десяти лет. Но первый год был все-таки самым страшным. А потом князь Джерго, отец князя Бертока, учредил лигу Целителей. И тамошние маги изобрели защиту... Теперь все в Паннонии носят вот это...

Зарина показала Беле браслет, сплетенный из цветных ниток. Браслет украшала всего одна деревянная бусина.

– Это амулет. Если его не снимать, то поцелуй Князя Мертвецов тебе не грозит...

– А сам Князь Мертвецов? Что с ним стало?

Зарина пожала плечами:

– Вообще-то считается, что он раскаялся и отрекся от власти в пользу брата. Но в это никто не верит. Может, он сбежал.

– А может, погиб?

– Не думаю. – Горничная нахмурилась: – Иначе его похороны пышно праздновались бы каждый год. Я думаю, все-таки сбежал.

Белала поежилась. И вот об этом человеке ей нужно собрать информацию? Но о нем и так все знают. Наверняка что-то подобное за монету ей расскажет любой мальчишка на улице.

– Значит, пещера Агдоле... городской парк... музей...

– И храм Заточенных. Помните, я говорила? Заброшенный храм. Очень старый, и недалеко от города.

– Ну, вот с него и начнем. Раз ты считаешь, что там есть на что посмотреть.

Зарина прикусила губу, но кивнула. Словно уже пожалела о сказанном.

Завтра как раз граф Вораш отправится в Китшоэ официально представляться княжеской семье, и у Белалы будет целый день, чтобы начать осваиваться в городе.

Горничная уверила ее, что ехать недалеко и вполне можно отправиться верхом, но если Белала боится, то и в карете тоже можно. Конечно, после всего сказанного о карете речи быть не могло.

* * *

Правда, тому, кто изобрел женские седла, самому бы на них всю жизнь ездить!

В родовом замке Белале принадлежали две лошади. И ни одного дамского седла. Впрочем, освоилась она довольно легко – если не учитывать, что юбки оказались слишком пышными, а стремя неудобным. Необходимость воспользоваться помощью Зарины, просто чтоб забраться в седло, и вовсе настроила Белалу на мрачный лад.

Служанка же держалась в таком же дамском седле с видом опытной всадницы. В который уже раз Бела подумала, что та не так проста, как хочет казаться. И забралась она в седло сама – с небольшого деревянного приступка. Лошадка у нее была низенькая и лохматая, она смотрела из-под челки с терпеливым вниманием. Девушка весело пояснила:

– У меня отец – бывший солдат. Он успел даже в Великой войне поучаствовать. Вернулся домой без ноги. Бывший командир устроил его на службу – старшим конюшим в Китшоэ. Так что я все детство при лошадях.

Белала слушала ее веселую болтовню и невольно сравнивала собственную жизнь с жизнью горничной.

Отец Бела никогда не воевал, но войну видел. Двенадцатилетним мальчишкой он убежал из дому, чтобы присоединиться к одной из армий Зафира. Потому что Зафир сражался, чтобы освободить Заточенных, и тогда казалось, что до заветной цели остается совсем чуть-чуть, один маленький шаг...

Война его напугала: он никогда не рассказывал о тех своих приключениях и, когда ветераны начинали вспоминать события тех лет, всегда находил предлог, чтобы уйти.

Всадницы миновали ворота княжеского замка и чуть задержались у большого, но мрачного и давно не отремонтированного здания.

– В этом доме княжеский госпиталь и хоспис, – рассказала служанка, – здесь работают лучшие доктора и лучшие маги, сведущие в целительстве. На первом этаже госпиталь для богатых, а в хоспис попадают те, кому обычные врачи помочь не могут. И там может оказаться даже самый последний из бедняков.

Высокие каменные дома агерской знати сменились зеленым парком, через который тянулись выложенные булыжником аллеи. Ветер трепал молодую июньскую листву, солнце просвечивало сквозь нее, и по земле струились ажурные тени. Парк не был пуст. Прогуливались красивые пары, гувернантки отдыхали в тени высоких деревьев, а дети играли, прячась друг от друга за стволами. Парк казался уютным и старым.

– Арена была где-то там, за фонтаном, – пояснила Зарина.

Они не стали въезжать на аллеи, свернули левой, к стене рыночной площади. Здесь былолюдно, по брусчатке непрерывно катились телеги и крытые повозки, спешили горожане и горожанки, сновали мальчишки-разносчики...

Зарина поспешила свернуть с этой улицы. По пути она рассказывала о местах, по которым они проезжали. Вот старый купеческий дом – сейчас в нем приют. А вот в том деревянном здании раньше жила знаменитая актриса, и в дни премьеры около него было не протолкнуться от поклонников. А вон в том дворе обитают цыгане. У них весело и шумно...

Городские окраины оказались не менее чистыми и аккуратными, чем центр. Разве что булыжная мостовая сменилась пыльной грунтовой дорогой, и дома здесь были попроще, а окна поменьше и в частых переплетах. Зато больше деревьев и вообще как-то просторней, не то что в каменном, густо застроенном центре.

– Нам сюда, – скомандовала Зарина, показав на наезженный проселок. – Вообще-то эта дорога ведет на Салек. Это такая деревня у соленой горки. Там неподалеку летний домик князя. Но он только так называется «домик», а на самом деле это большой дом, в котором постоянно живет прислуга, и даже конюшня есть. Но храм, который мы ищем, тут совсем рядом, за выселками...

Белала почему-то ждала, что увидит развалины сооружения, похожего на Сибушский храм, может, поменьше и попроще убранством. Однако реальность приготовила сюрприз, который ее скорей обрадовал. Под храм, видимо, перестроили большую каменную усадьбу или маленький замок – с башней и просторным холлом. Но когда-то, может быть, и тридцать лет назад, а может, и меньше, здание сгорело – обрушилась кровля, обвалилась одна из стен. Частично осыпалась внутрь и башня.

– Вот, – сказала Зарина. – По-моему, жуткое место.

Бела спешила, стараясь не запутаться в юбках. Вылезать из дамского седла оказалось еще более неудобно, чем садиться в него. У Зарины таких проблем с платьем не было. Она-то могла себе позволить надеть укороченную юбку без пышных фижм. Графиня Вораш, однако, должна выглядеть элегантно и привлекательно даже в час загородной прогулки в сопровождении одной-единственной служанки.

– Идемте, – позвала Зарина. – Сначала князь хотел разместить здесь дополнительные казармы, и даже начали расчищать фундамент, но потом нашли для солдат более удобное место. Пойдемте, там интересно. На полу узор сохранился. И решетки на окнах.

Бела застыла у входа. Ей всегда нравились старые заброшенные дома. В них хранилась память о прошлых владельцах, их тайны и печали. Этот дом давно стал излюбленным местом игр для мальчишек с выселок. У входа обнаружилось даже старое кострище и запас дров.

И еще: именно в этот момент на какое-то мгновение Белала ощутила то самое присутствие, которым не пахло ни в их домашней молельне, ни в величественном храме в Сибу.

Всего на миг.

Оно показалось ей странным. Незнакомым и чуждым. Словно прикосновение слабо светящегося болотного тумана. И почти тут же оборвалось, как будто его спугнул голос служанки:

– Графиня! Скорее! Тут человек... Ему плохо!

Бела перешагнула порог разрушенного храма, уже предчувствуя недоброе.

Зал тонул в сумраке. На пыльном полу сквозь грязь проступали контуры Звезды богов. Кое-где из стыков плит пробивалась трава. В центре, застывший в нелепой, неудобной какой-то позе, лежал человек. Над ним склонилась встревоженная Зарина.

Бела поспешила туда, предположив отчего-то, что человек лежит тут не просто так, что он жертва и что кто-то проводил здесь второе таинство по полному обряду: так, как это описано в жреческих свитках.

Но нет. Человек дышал. Взгляд его был пустым и тусклым. Может, он попросту пьян?

Но пьяного легко определить по запаху. Запах от него действительно шел не самый приятный, но уж алкогольный-то перегар Белала узнала бы. И Зарина наверняка тоже. Нет, он не был пьян.

– Это похоже на княжью болезнь... – сказала Зарина. Она уже расшнуровала ворот его куртки.

Бела отметила, что куртка у него дорогая, украшена шитьем. Прочая одежда тоже светлая, красивая, сидит точно по фигуре. Плаща и перевязи нет, сорочка из батиста...

Но все это рваное и грязное. Обувь... Он где-то потерял левый сапог и, видимо, даже не заметил. Босая нога сбита в кровь. Ссадины есть и на обоих коленях.

– Надо на помощь позвать, – сказала Зарина. – Хотя ему теперь никто не поможет. У него нет амулета...

– Почему ты думаешь, что нет?

– А иначе Князь бы до него не добрался.

– Это может быть какая-то другая болезнь... Надо его, наверное, в город... Только мы его не дотащим. И на лошадь не посадим.

– Графиня, позвольте, я съезжу в предместье, попрошу телегу.

– Я сама съезжу. Меня, наверное, быстрее послушают. И велю, чтобы послали человека в город за лекарем.

– Тогда давайте я помогу вам забраться в седло. Совершенно неудобная вещь...

* * *

Белала время не считала. Сколько-то минут заняло выяснение, у кого можно взять телегу. Потом пришлось долго уговаривать хозяина, объясняя, что это быстро, что в старом храме человек лежит, которого поцеловал Князь Мертвецов. Наконец его удалось убедить. Потом она еще столько же уговаривала его отправить посыльного в госпиталь, за лекарем.

Хозяин телеги, важный седой дед, сказал, что съездит к сгоревшему храму. И что благородной госпоже не о чем беспокоиться. А если она хочет, то пусть сама до госпиталя отправляется – верхами-то оно быстрее будет. Белала, выругавшись, неуклюже влезла в седло. Если бы не кстати обнаруженная на хозяйском дворе колода, пожалуй, не справилась бы.

Дед отправился запрягать, а Бела – искать лекаря, который согласился бы ехать с ней за город. Дело осложнялось тем, что единственным местом, где, как она точно знала, можно найти человека, сведущего в медицине, был госпиталь княжеской руки. То самое мрачноватое здание неподалеку от ее собственного дома.

* * *

В просторном помещении с чистыми белыми стенами ее встретил юноша лет восемнадцати, с едва заметными усиками над верхней губой и хохолком русых волос на макушке. Юноша был облачен в белую хламиду и занят наведением порядка в красивом деревянном шкафу-конторке.

Обернулся на звук открываемой двери:

– Здравствуйте! У вас что-то случилось? Проходите в дом...

– Нет. Я спешу. – Бела испугалась, что юноша потратит драгоценное время, распрашивая о никому не нужных вещах. – Мне нужен врач.

– Здесь много врачей. Расскажите, что случилось, и...

– Я прогуливалась за городом. Со мной была моя служанка. В развалинах старого храма на окраине мы обнаружили человека. Он был без сознания, и мне кажется, в таком состоянии

он уже давно. Я могу судить по одежде и еще по... В общем, там запах. Моя служанка говорит, здесь, в Паннонии, это случается. Она сказала, его поцеловал Князь Мертвецов.

Юноша нахмурился:

– Мастер Ферг сейчас в Китшоэ... Это может быть надолго. Давайте я с вами поеду.

– А вы умеете?..

– Если то, что вы сказали, правда и если ваша служанка не ошиблась, то торопиться нам некуда.

У Белалы было противоположное ощущение. Но она промолчала. Старик с телегой уже должен добраться до храма, а значит, беспокоиться почти не о чем. Сейчас Зарина поможет ему погрузить больного и покажет, куда ехать. «И мы наверняка встретимся по дороге».

Нет, беспокойство никуда не делось. Даже немного возросло.

– Амулет мастера Ферга, – продолжал рассказывать юноша, – эффективен в первые минуты после начала болезни. Потом его применять поздно. Вы покажете дорогу?

– Разумеется. Но я верхом.

– Лошадь оставим у нас в конюшне. Это во дворе. У нас тут есть специальная карета для перевозки больных. Возьмем ее, если не занята...

Кучер покосился на Белалу неодобрительно. Ну еще бы – ее юбки казались слишком пышными для узкой каретной дверцы. Бела дала себе зарок завтра же расспросить кого-нибудь о хорошем портном и заказать платье, которое не мешало бы ездить верхом и не вызывало бы сложностей, когда надо просто забраться в карету.

Один из местных работников увел лошадь Белы к стойлам. На караковую кобылку благородных кровей местные низкорослые коняшки смотрели с любопытством.

Юноша-лекарь открыл для нее дверцу. Бела вспомнила, что так и не узнала его имени.

– Я – графиня Белала Вораш, – представилась она и протиснулась в карету. Внутри оказалось довольно просторно. Карета имела непривычную вытянутую форму, и лавки у нее внутри располагались вдоль бортов. Между ними лежали носилки, а к высокой крыше был приделан подвесной «безопасный» фонарь.

– А я Имре, – ответил из-за ее спины веселый голос. – Я тут ученик. Но сейчас лето, занятий нет. И у меня практика. Поехали, Баго, в северные выселки. Это там есть разрушенный храм, а других я не помню. Давно бы его на камни разобрать...

Белала промолчала. Она уже знала, что в Агере Заточенные не в чести. Наверное, потому что им поклонялся Князь Мертвецов.

Однако карета едва успела выехать на булыжник главной городской улицы, как снова остановилась.

Приоткрылась дверца, в проеме показался чей-то темный силуэт.

Имре сказал с явным облегчением:

– Мастер, хорошо, что вы вернулись! За городом нашли еще одного стертого.

Названный мастером хмыкнул и легко забрался в карету:

– Едем, Баго!

Свет из большого остекленного окошка скользнул по его лицу. Это был высокий поджарый темноволосый человек, чей возраст Бела не смогла определить с ходу. Крупные костистые пальцы он сразу сцепил в тугой замок. Прическа его не свидетельствовала об аристократизме: и хотя знатные дворяне Сибу тоже носят длинные локоны, горожане стригутся все ж покороче. И шляпы у него на голове не было. А щеки и подбородок скрывала темная аккуратная борода. Одет он был как-то вроде и просто, и сразу понятно, что на костюме пошла дорогая ткань и хорошо выделанная темная кожа...

Белала внезапно заметила, что попутчик разглядывает ее с тем же внимательным любопытством.

– Графиня Белала Вораш, – снова представилась она, – это мы с моей служанкой нашли заболевшего человека.

– Доктор Ферг. Для учеников – мастер Ферг.

Он чуть улыбнулся, одними глазами, и Белала догадалась, почему Имре так обрадовался, что его встретил: этот человек был совершенно уверен в себе и своих силах. Такие, как он, никогда не бывают одинокими, и любой, кто оказывается с ними рядом, сразу начинает чувствовать себя защищенным.

Это ощущение может быть ложным.

Нет, доверять доктору не следует. Во всяком случае пока.

Имре в двух словах рассказал, куда они едут.

Ферг вновь пристально взглянул на Белалу, и на этот раз без всякой улыбки. Оказывается, его взгляд мог быть и ледяным.

– Что же вам понадобилось в заброшенном храме Заточенных?

Девушка поежилась: ей нужно теперь так подобрать слова, чтобы они оба поверили в совпадение. Ведь это действительно случайное совпадение. А значит, надо рассказать все как было. Как бы дико оно ни звучало. Искренность – лучшее оружие, ведь только она вызывает встречное доверие...

– Виной всему мое любопытство. Мы только вчера приехали в Агер. Мой отец – граф Белферан Вораш – новый посол Трансильвании в Северной Паннонии. Я не стала дожидаться, пока мне кто-то покажет город. Насколько я помню по Сибу, знатные господа мало интересуются теми местами, в которых живут. Обычно такие выезды получаются скучными и бессмысленными. Я решила отправиться на прогулку сама.

– Неужели в Агере, – изумился Имре, – нет ничего поинтересней старых развалин?

– Меня во всех случаях интересуют старые развалины. И я слышала, что Агер сам стоит на древних камнях. А моя новая горничная оказалась настоящим кладом знаний о городе. Это она, кажется, предложила сначала съездить в этот храм.

Булыжная мостовая закончилась, карета пошла мягче. Это заметил и Имре:

– Уже почти прибыли!

Через минуту кучер резко остановил лошадь. Доктор Ферг первым покинул карету и протянул Беле руку, чтобы помочь спуститься.

Рука у него оказалась твердой и теплой. Ступив на землю, она подняла глаза и встретила неожиданно ледяной подозрительный взгляд доктора. Он зачем-то сказал:

– В Агере культ Заточенных под запретом.

– Заточенные давно мертвы, – ровно ответила Белала, отнимая руку. Ту самую, на которой с недавних пор лежит отпечаток Звезды богов.

– Не все так считают.

В этот момент из кареты выбрался Имре, и их странный разговор прервался.

Карета остановилась у развилки – выселки остались позади. Совсем рядом, в полусотне шагов, виднелся храм.

И не только он. Возле храма толпились люди, десятка два, а может, и больше. Там же стояла телега. Люди в основном молчали, взгляды ваясь во что-то внутри, лишь изредка обменивались короткими репликами.

– Что-то случилось, – пробормотала Белала.

– Баго, ближе подъехать сможем? – спросил Ферг.

До храма и так было недалеко. Но если забирать больного, то лучше действительно подбраться ближе.

– Если они разойдутся, то сможем...

– Уж ты постарайся. Имре, идем.

Бела решила, что это приглашение касается и ее, и поспешила вслед за мужчинами. Предчувствие чего-то нехорошего вновь подкатило к горлу, но она не позволила воображению слишком уж разыграться. Летний полдень... Пыльная дорога. Крестьяне в простых одеждах, сплошь мужики. Вот это и странно.

Сколько Бела помнила родной замок, если где-то что-то случилось, то там сначала оказывались бабы, а уж потом, на визг, сбегались мужики.

Длинноногий доктор первым врезался в толпу и начал пробираться к входу. Имре едва за ним поспевал.

У бывшей двери люди стояли столь плотно, что Фергу пришлось повыситься голосом:

– Пропустите, я врач.

В голосе звучала досада.

– Благородная госпожа, – негромко окликнул ее один из крестьян, – вам бы не надо туда...

– А что случилось?

– Плохо там. Девушку убили.

Зарина? Что же там случилось? Кто? Последний вопрос она произнесла вслух. Но крестьянин пожал плечами и поспешил скрыться в толпе.

«А ведь тут могла остаться я, – подумала Белала. – Ведь это Зарина хотела бежать за помощью. Но, может, если бы осталась я, то никто бы не умер?»

Бела непроизвольно проверила ножны на левой руке. Если бы враг был один, она бы справилась. А если много? Ничего не понятно.

Она все-таки пробралась к входу в храм. Там было прохладно, и глаза не сразу привыкли к полумраку после яркого солнца. Никто не посмел больше препятствовать ей...

Бела увидела Зарину. Служанка лежала внутри контура Звезды богов, но чуть в стороне от центра изображения. Правильно, там, в центре, они оставили «больного». А где он?

В бывшем ритуальном зале были еще трое крестьян. Вооружены баграми и вилами. А это...

«Больной» обнаружился в углу, и назвать его больным сейчас ни у кого не повернулся бы язык. Он лежал навзничь, а из груди и живота его торчали вилы. В крови была его одежда и низ лица. Как и пол.

Если бы Заточенные отзывались на жреческие призывы по-прежнему, они бы обрадовались, наверное, такой щедрой жертве.

В стороне, неподалеку от входа, стоял, зажмурившись, бледно-зеленый Имре. Доктор Ферг склонился над девушкой. Но не дотрагивался до нее.

Увидев такое, кто-то другой, может, запаниковал бы или как минимум растерялся. У Белы словно выключилась та часть мозга, что отвечает за эмоции. Память начала работать ясно и четко, выхватывая пускай незначительные, но яркие эпизоды из общей картины...

Подходить к доктору Фергу сейчас она бы не решилась. А вот Имре явно ему сегодня не помощник. Бела сжала мигмом побледневшие губы и подошла к юноше:

– Имре, идемте на воздух.

– Сейчас, мне надо...

– Идемте, тут справятся без вас.

– Но надо забрать...

– Тут полно народу. Помогут.

Надо сказать, Бела и сама с немалым облегчением вышла на улицу. И была-то в сгоревшем храме всего минуту, а как целый век прошел. Темный и страшный. Снаружи ничего не поменялось. Все так же светило солнце, все так же под легким ветром раскачивались деревья.

Парень открыл глаза и тихо сказал:

– Никогда такого не видел. На операциях сколько раз присутствовал... и ничего.

– Наверное, понадобятся носилки. Из кареты. Возьмете?

Он благодарно кивнул и побрел к Баго, который подъехал настолько близко, насколько это вообще было возможно.

Бела оглянулась на зевак. Что бы еще такого сделать полезного, чтобы только не стоять, не пялиться в пустоту, вспоминая кровавые детали увиденного в храме?

Память упорно подкидывала выхваченные образы. Лиф дорожного платья Зарины, бурокоричневый от крови. Рука с обломанными ногтями – на запястье бесполезный оберег от Князя. Алая кровь убитого «больного», следы на полу, в пыли. Какие-то еще кровавые тряпки...

Вернуться туда? Зачем? Велик риск помешать лекарю. Хотя чему там можно помешать? Все уже случилось. Надо будет найти лошадь Зарины и отвести на княжескую конюшню. Самой отвести. И самой поговорить с ее отцом. Зарина говорила, он старший конюший. Белале еще никогда не приходилось сообщать кому-то о смерти родственника или близкого человека. Но перекладывать эту задачу на посторонних было бы нечестно.

Может, виной тому, что все ее детство прошло в компании мальчишек, но трусость Бела считала одним из самых главных человеческих пороков, иногда принимая за нее даже обычную осторожность. Воспоминание о друзьях детства вывело Белу из задумчивости. А тут и Имре вернулся. С носилками и нормальным цветом лица: тоже успел договориться с собой за эти минуты.

Люди начали потихоньку расходиться. Посудачить можно будет вечером, в таверне, а сейчас середина дня, работать надо. Да и неинтересно глазеть на развалины, которые ты и так каждый день видишь. Бела обратила внимание, что старик, хозяин телеги, тоже собрался восвояси. Девушка, недолго думая, достала из кошелья серебряную монету и поспешила к старику, договариваться, чтобы не уезжал. Два тела в карету из госпиталя не поместятся. Старик заворчал, мол, загадите дно кровийцей, и лошадь испугается. Но монету взял.

Белала осторожно обогнула стену храма – именно там, в тени, они с Зариной утром оставили лошадей. Как давно это было!

Лошадка обиженно покосилась на Белалу: где хозяйка? Почему ушла, бросила, оставила под седлом в этом неудобном месте?

– Ничего, – сказала ей Бела. – Скоро домой вернешься, там о тебе позаботятся...

Вернулась ко входу. Оттуда как раз с покрытым грубой тканью телом «больного» на носилках появились мужики.

– В телегу, – распорядилась Белала.

Она решила, что места в карете более достойна Зарина. Мужики пожали плечами и выполнили распоряжение. Лошадь не испугалась, но старик еще немного поворчал, выражая недовольство.

Бела заглянула в храм, хотела спросить, не может ли она чем-то еще помочь. И первое, что увидела, – Зарину. Ферг зачем-то уложил ее ровно, отмыл из фляги лицо и шею. И вся шея была изорвана, искромсана чьими-то острыми зубами. И, кажется, не только шея...

– Какое-то животное?

Ферг, вытиравший руки чистой салфеткой, резко обернулся на голос:

– Нет.

– Тогда...

– Я смотрю, графиня, вы совсем не боитесь крови. Да и покойники вас не смущают...

Бела честно прислушалась к себе. Покойники ее смущали. Даже очень. А крови она действительно не боялась – первый обряд, посвященный Заточенным, она провела в двенадцатилетнем возрасте. Под руководством жреца Тольбе. И потом еще не раз его повторяла, оттачивая умение. Ритуальных куриц после закапывали на дворе. Если жертва принадлежит богам, то ее мясо не следует употреблять в пищу...

– Я почти не успела ее узнать. Зарину. Мы познакомились только вчера, долго разговаривали об Агере и его тайнах. И дело не в крови и не в покойниках. Если бы я здесь была одна, я бы точно заверещала и залезла на дерево. Несмотря на юбки.

Ферг отвел взгляд. Кажется, ответ ему не понравился.

– Идемте. Больше здесь делать нечего. Мне нужно вас расспросить о том, что вы видели сами.

– Но все-таки кто ее убил? Я должна буду рассказать о том, что случилось, и не только мажордому.

Доктор нехотя ответил:

– Следы зубов – человеческие. Да что там, крестьяне все видели своими глазами. Вероятно, завтра весь город будет знать. Этот пострадавший от Князя Мертвецов оказался чем-то иным, это он напал на девушку. Присланный вами старик, хозяин телеги, застал его... за трапезой. И он был прав, когда не стал подходить близко, а сразу позвал людей. Ваша служанка ошиблась и поплатилась за свою ошибку жизнью.

Вернулись мужики. Белала поспешила выйти из храма. Ей не хотелось смотреть, как тело Зарины укладывают на носилки, на которых только что вынесли ее убийцу.

– Графиня, – окликнул доктор из-за спины.

– Да?

– Извините меня. Кажется, я был бестактен.

– Немного. Так что у вас за вопросы? Это как-то поможет понять...

– Возможно. Хотя в общих чертах я представляю, что произошло. Но ваши слова могут подтвердить или опровергнуть мою догадку.

Солнце ушло с зенита. Должно быть, отец уже вернулся из Китшоэ. Надо поторопиться...

– Здесь лошадь Зарины. Нельзя ее так оставлять. Я догадываюсь, о чем вы спросите.

Белала шла вдоль стены храма, не оборачиваясь, но точно зная, что Ферг идет за ней.

– Мы приехали, когда солнце только-только поднялось из-за деревьев. Зарина первая вошла в храм. Я еще привязывала лошадь. Она тут же увидела этого человека и позвала меня. Я присоединилась к ней, и она сказала, что это похоже на поцелуй Князя. Предложила съездить за телегой. А я подумала, что ее в деревне вряд ли послушают. А у меня кошелек. За деньги телегу добыть легче. Да мне просто не захотелось сидеть возле этого больного, которому все равно ничем не поможешь, и ждать. И я поехала сама. Одежда его... ну вы сами видели. Мы решили, что это кто-то из местной знати. Вот... так.

– А что-то необычное? Может, видели кого-то неподалеку. Или, может, что-то почувствовали?

Почувствовала. Ведь было... едва заметное присутствие. Чье-то мимолетное любопытство. Рассказать? Сейчас, пока рядом нет ни Имре, ни кого-то другого, а доктор все равно уже догадался о том, что она читит Заточенных? А может, не догадался, просто заподозрил... но все равно надо сказать. Хотя бы намекнуть.

– Словно след магии. Но всего на мгновение, я в тот момент еще не вошла в храм. Оно сразу исчезло. Я не придавала значения и только сейчас вспомнила.

– Можете описать?

– Не знаю. Попробую... это как... чье-то ищущее заклинание, но не направленное, а просто существующее...

– Вы – маг?

– Могла бы быть магом. Но женщин магии в наших местах не учат. Отец считал, что меня надо побыстрее отдать замуж, чтобы всякие глупые мысли из головы вылетели. Но я все равно понемногу училась. И сейчас, я думаю, он поменял мнение.

– А с чем-то подобным раньше сталкивались?

– Нет, никогда. Мне удалось подтвердить вашу догадку?

- Возможно.
- И вы не расскажете?
- Нет.

Бела взяла лошадь Зарины за повод и повела к карете. Ну и не надо. Подумаешь, тайна! Однажды она сама все узнает.

Скорей всего, обратно ей придется ехать верхом: вряд ли в карете теперь найдется место для нее и ее юбок. Но все равно сначала нужно завернуть в госпиталь, забрать свою лошадь. А потом уж... Или попросить Имре?

Ферг ловко посадил ее в дамское седло, затем перекинулся парой слов с хозяином телеги, махнул ему рукой и исчез в недрах кареты. Баго первым выехал на дорогу – ему показывать путь. Белала на низкорослой лошадке Зарины замкнула процессию...

Глава 3

Доктор что-то быстро записывал в тетради, изредка хмурился, когда слишком крупные булжники заставляли сбиться с мысли. Писал он при помощи какого-то невероятного приспособления очень светлыми, несмазывающимися чернилами. Имре замороженно следил за его рукой. Потом не выдержал, нарушил тишину:

– Хорошая девушка, правда?

– Кто?

– Графиня. Разговаривает так... ну, не как знатная дама.

– Да. Графиня. Последовательница Заточенных, по некоторым признакам, обученный маг, дочка трансильванского посла. Кстати, к дамскому седлу не привыкла, но верхом ездит уверенно. И на левом предплечье – ножны. Не пустые.

– Она? Последовательница Заточенных?

– Посвящение приняла не более месяца назад – магический почерк жреца хорошо читается. Впрочем, есть маленькая вероятность ошибки.

– И вы ничего не сделаете? Чтобы ее остановить?

– Зачем?

– Ну, как...

– Она пока не совершила ничего плохого. Более того, не успела приехать, как попала в переплет, связанный с нашим национальным проклятием. Могла бы возмутиться и заставить князя Бертока приносить извинения на дипломатическом уровне. Впрочем, может, еще и заставит.

– Все равно не верю.

Ферг только усмехнулся в усы. Один его недавний знакомый, молодой маг из сопредельного мира, мог бы много рассказать Имре по этому поводу...

И про веру, кстати, тоже мог бы рассказать.

Когда прибыли в госпиталь, стало не до разговоров. Ферг, направляясь к зданию, только распорядился:

– Имре, трупы ко мне вверх!

Парень, забыв о Белале, тут же побежал кого-то звать и что-то устраивать. Крестьянин с телегой уехал. Так что Беле помогал решать лошадиный вопрос невозмутимый Баго...

* * *

Белферан, услышав новости, долго расхаживал по комнате, пытаясь унять волнение. Бела терпеливо ждала. Она знала, бури не последует. Отец понимает, что ее вина в случившемся минимальна, и наверняка сейчас пытается понять, чем им обоим грозит это приключение. Только он не придумает – он ведь ничего не знает о Зарине. Белала и сама-то о ней почти ничего не успела узнать.

– Надо вернуть лошадь, – наконец сказала она. – Ее отец – старший конюший в замке.

– Не сама же ты туда пойдешь?

Белала, которая так и хотела сделать, промолчала. А действительно, разве следует графине и дочке посла заниматься такими глупостями?

– Я напишу письмо, – решила она. – И пошлю кого-нибудь из прислуги. Если ее отец захочет узнать подробности, я его приму.

Белферан коротко кивнул. Потом добавил:

– Сегодня мы успели только отобедать. Завтра вечером состоится официальный прием в Китшоэ, на котором тебя представят князю Бертоку и его семье. Прием приурочен к празднику

середины лета, так что будет бал, танцы и торжественный ужин. А уже послезавтра я планирую начать переговоры.

– Я еще кое о чем хочу посоветоваться.

– Да?

– Отец, там был один человек, маг. Его имя – доктор Ферг. Мне показалось, он сразу понял, что я посвященная. И ему это не понравилось.

– Хорошо, я о нем постараюсь разузнать. Значит, говоришь, доктор?

– Да, из госпиталя.

– Ладно. Ступай, отдохни. День был тяжелый...

Белала кивнула. Но вместо этого пошла сочинять письмо конюшему.

Она чувствовала, что стоит на минуту остановиться, и ярчайшие видения сегодняшнего дня вернутся. Снова удивительно четко представится кровь на камнях и одежде. Изможденный мужчина с вилами в груди. Зарина с разорванным горлом...

И теперь уже не будет между ней и бедой надежного щита из срочных и важных дел, которые отвлекают, заставляют сосредоточиться на чем-то другом, пусть менее важном, но необходимом.

Отправила слугу.

Зачем-то распорядилась принести в будуар ее дорожный сундук.

В сундуке, она точно знала, лежат еще платья. В одном из них она завтра отправится на прием. Второе пригодится в пасмурную погоду – сшитое из тонкой шерстяной ткани, оно не даст замерзнуть, даже если за окном пойдет снег. Но помимо этих двух нарядов там, в глубине сундука, лежит любимое «эльфийское» платье из черного шелка. У него узкая, в пол, юбка с разрезами на боках. Под нее не наденешь никакие фижмы. Под эту юбку нужны узкие штаны из черной замши. И корсет у платья мягкий, с потайной шнуровкой.

Конечно, на прием к князю в таком наряде не пойдешь... но Зарина бы оценила.

Бела провела ладонью по тонкому шелку... и неожиданно для себя расплакалась.

* * *

Аутопсия ничего нового не добавила к общей картине. Разве только Ферг усомнился, что горничная и в самом деле всю жизнь проработала прислугой. Скорей наоборот, хорошо питалась, активно двигалась, нет ни мозолей, ни старых шрамов, ни загара, который свидетельствовал бы, что она много времени проводила на улице. Зато на пальцах – следы чернил, что может значить, что девушка была обучена грамоте. Это и среди аристократических семей редкость, а чтобы учили прислугу, да еще и девочку...

Ферг распрощался с коллегами, выгнал немногих учеников и сам медленно и вдумчиво навел в помещении порядок. Тела Имре сопроводил на ледник, оборудованный в подвале. Завтра, если этого еще не сделала трансильванская графиня, нужно будет послать человека в замок, чтобы нашел отца девушки. Пусть займется похоронами.

В окно светила ополовиненная луна, пахло какими-то цветами, не то розами, не то жасмином. Аромат казался слишком ярким, выпуклым, привлекающим внимание.

Прошел месяц после возвращения, а он все никак не может привыкнуть к здешним ярким цветам, нарядам из дорогой ткани, публично демонстрируемому достатку. Все-таки прав был тот разведчик: Аррет меняет людей. Исполдволь, по кусочку, по крупинке, вынимает прежнюю душу и вкладывает свое. Горький от привкуса полыни ветер пустырей. Разогретое солнцем, ржавое, тяжелое железо давно остановившихся механизмов. Серые развалины. Дожди, полосующие пустые дороги, по которым никто больше никуда не пойдет и не поедет. Людей, осторожных и занятых скорей вопросами выживания, чем наживы. Странную, недоделанную магию. Магию, которая не может работать сама, без материального скелета, подпорки...

Ферг вернулся. И при этом непостижимым образом все еще оставался там. Там было проще. Там он мог оставаться честным и с собой, и с теми, кто оказался рядом. Там...

Трудно прожить в монастыре Спасителя без малого полтора месяца и не узнать все маленькие тайны послушников. И о том, что брат Рузан частенько грешит чревоугодием, и о том, что отец Евстатиан лупит семинаристов почему зря, а у брата Арама в городе есть подружка.

Тогда тоже было лето, непривычно жаркое для маленького северного городка. Почти так же светила луна, и старый священник, самый страшный человек, по отзывам как горожан, так и младших чинов клира, смотрел на него пронзительным, все подмечающим взглядом:

– Значит, вам нужен лабиринт. Верите ли вы в Спасителя, Бога нашего?

– Верю. Однако не собираюсь посвятить жизнь служению. Я ученый, и меня больше интересуют земные вещи... хотя вопросы веры, конечно, намного важней.

– Не всякое учение богоугодно. Что вы собираетесь делать? Зачем вам это? – скучно спросил старик.

– Сдвиг разрушил поселок, в котором я родился, – беззастенчиво соврал Ферг. – А здесь, в Спасенном Городе, сдвигов не бывает. Хочу понять, что сделать, чтобы в других местах было так же.

– В этом желании много гордыни. Для того чтобы Бог вам помог, нужно молиться, а не копать в старых камнях. Скажите честно, вы маг?

Ферг усмехнулся и покачал головой. Он ничем не рисковал: все, что могут предложить монахи для проверки магических способностей, – поделки, выполненные на ученическом уровне. Их обмануть ничего не стоит. Старик ухмыльнулся и, вынув из кармана хрустальный шарик, кинул его через дощатый стол.

Шарик в руке Ферга остался совершенно прозрачным.

– Хорошо. Верните сферу. Итак, я пушу вас к лабиринту. Но рядом с вами всегда будет находиться мой человек. Он узнает, если вдруг вы начнете применять богомерзкое колдовство. И еще одно условие. Вы пойдете к приору и попроситесь в послушники. И будете работать наравне с другими остиариями и честно выполнять свой урок. Если только мой человек заметит что-то... Эниарская Инквизиция шутить не любит. Помните об этом. А теперь ступайте...

Всего через несколько дней после этого по монастырю поползли слухи о железной птице, пойманной в городе. А потом настоятель и сам объявил о возможной войне с врагами-идолопоклонниками.

Человека, приставленного к Фергу, звали брат Евхарт. Диагноз его Ферг определил еще в самый первый день знакомства, и с того момента роли поменялись. Теперь уже Ферг присматривал за Евхартом, стараясь, чтобы все его внимание было сосредоточено на его персоне и не отвлекалось на мальчиков нежного возраста. Ферга Евхарт научился бояться после короткой беседы ясным днем у ворот продовольственного склада. Он и рад был бы отомстить, но углядеть хоть какой-то криминал в действиях новоявленного остиария Евхарт не смог.

Евхарт не был магом. Это значительно упрощало дело. Ферг несколько раз при нем проходил лабиринт, и тот не видел в его действиях ничего особенного. И вправду, семинаристы, играя, часто делали то же самое.

А лабиринт в Спасенном Городе был сильным. Из четырех лабиринтов, которые знал Ферг, этот, пожалуй, самый стабильный и надежный. Вот только пробиться по нему к лабиринту Агдоле, альтеррианской его проекции, не получилось ровно так, как не получалось из двух других.

Каждая новая неудача убеждала – надо бросать затею и возвращаться домой. Искать другой способ. Но Ферг медлил. А меж тем монахи готовились к вторжению, горожане заколачивали окна и перекрывали улицы. Что ни день, отец Леон собирал священников в своей келье, чтобы что-то планировать. В эти часы Ферг отдыхал от внимания брата Евхарта.

Надо было уходить. И самый простой из доступных способов – лабиринт. Если смотреть правильно, то увидишь, как сплетаются магические каналы, почувствуешь многомерность пространства, расцветенную силами тех, кто когда-то выкладывал магические скрепы – печати... Синим будет светить дорога в Иберию, серебристо-белым – в италийский город Гасту, ярко-зеленым – на остров гейзеров и вулканов, где нет жилья, кроме нескольких старых факторий морских разбойников...

И только след лабиринта в Агдоле едва заметен. Он есть, он рядом, но к нему не пробиться, как ни старайся. Так же было и с лабиринтом Гасты. Даже хуже – оттуда казалось, что путь в Агдоле – это обман зрения, едва заметный морок...

Ферг наверняка знал, что на следующий день город будет взят. Может быть, монастырь продержится чуть дольше, но потом падет и он. И если с отцом Леоном еще как-то можно договориться, то с армией Схарма – вряд ли. Значит, уходить следовало нынче же ночью. И нельзя даже мысли допустить, чтобы остаться и вступить в эту войну. На чьей бы то ни было стороне.

Вопреки собственным рассуждениям, он все-таки пошел в «Воронье гнездо» и половину ночи помогал ополченцам хотя бы словом. Собирался выпить в хлам, а вместо этого сидел вместе с людьми Тарна над планом города и всерьез думал, как остановить врага. Лишь к рассвету вышел на крыльцо. Утро было холодным.

Через минуту на то же крыльцо присел послушник в белой рясе. Ферг его узнал – парень имел несчастье насолить Евхарту, и тот регулярно развлекал своего «подопечного» планами будущей мести. Послушник был местный, от коней Тарна. Брат Дальгерта.¹

– Не спится, святой отец? – спросил Ферг. – Горло промочить не хочешь?

По всему было видно, Евхарт все-таки нашел способ прижать парня. Нереализованное желание помочь в этом городе хоть кому-то хоть в чем-то заставило продолжить беседу.

Сейчас оставалось только жалеть, что так и не поговорил тогда с Дальгертом по-человечески.

«Напустил туману, джедай хренов... почему-то даже имя свое не пожелал назвать. Да нет, не почему-то. Если заняться самоанализом, то, пожалуй, все просто. Не хотелось налаживать связи, сживаться с городом, откуда собирался уйти навсегда. С людьми, которым предстоит битва и у которых слишком много шансов эту битву не пережить. И зря тогда метался. Все равно же никуда не ушел...»

Половинка луны ползла по небу, а Ферг вспоминал события давние и недавние. И надо было идти спать, потому что завтра начнется тяжелый день. Завтра ко двору прибывает еще несколько важных гостей, на этот раз из Моравии. А потом будет праздник середины лета. Гости, кареты, дамы в пышных платьях. Военные в парадных мундирах...

Танцы, пиры, салоны...

Князю зачем-то понадобилось, чтобы Ферг был рядом.

* * *

Мастер Ладжус Чордаш выглянул из окна самой высокой башни Боруша и решил, что то, что он видит, ему нравится. Солдаты согнали из окрестных деревень крестьян, и те пестрой толпой стояли за наскоро сколоченными деревянными загородками, заполняя бывший двор крепости.

Над башнями развевались новые флаги – черные с серебряной восьмиконечной звездой.

Гарнизон крепости увеличился до трех сотен человек, и сейчас стрелки как раз занимали места на стенах. Пехотинцы в черных длинных доломанах и коротких плащах, украшенных все

¹ Историю Дальгерта Эстана можно прочитать в романе Н. Каравановой «Сердце твари».

той же звездой, стояли шеренгой напротив главных ворот. Кавалеристы, которых пришлось поставить пешим строем, занимали почетные места вдоль левой стены, напротив высокой, сколоченной из досок площадки, куда подняли княжеский престол.

Ладжус разглядел полуорка с его разведчиками, которым тоже нашлось место в общем строю. Возмущенно поджал губы. Хагр даже в этот торжественный день был одет не по форме. То есть цвета его плаща соответствовали мурешскому флагу, но просторную шелковую сорочку насыщенного алого цвета никто не назвал бы форменной. Ничего. После сегодняшних торжеств орк покинет Боруш. Ему еще найдется работа.

За неполный месяц к первой взятой крепости Чордашу удалось добавить еще две победы. Одна ему ничего не стоила. Хозяин тех земель несколько лет как умер, не оставив наследников. В замке поселились какие-то его дальние родственники, за короткий срок успевшие окончательно разориться. Сдались они без боя, другой вопрос, что и взять там особо было нечего. Ладжус поставил в имении своего управляющего и отрядил солдат, чтобы приглядывали за крестьянами – разбегутся, чего доброго, а кто пахать будет? С другими соседями, земли которых были богаче и располагались ближе к Тисе, так легко справиться не удалось. Однако двухнедельная осада и диверсия магов-разведчиков принесла свои плоды, хотя и пришлось потратить куда больше драгоценного времени, чем планировали...

Мастер Чордаш взглянул на собственное отражение и остался доволен. Черная с серебром форма была ему к лицу. Тонкие усы идеальной формы, уверенный взгляд, четкий овал лица – никто не должен усомниться в его праве решать судьбы здешнего народа. Он холодно улыбнулся – именно так. Сегодня местные воочию убедятся, кто здесь главный. С этого дня порядки на новых землях Муреша изменятся...

В дверь постучал ординарец – пора.

Чордаш разглядел несуществующую складку на рукаве и отправился вниз. Сегодня значимый, может, самый важный день в его жизни...

Внизу уже построились солдаты его личного караула.

Не хватает музыкантов, с досадой подумал маг. Но ничего. Не зря же его солдаты неделю тренировались на плацу! Все будет четко и точно. Все будет так, как он сам и распланировал...

И вот ворота распахнуты. Солдаты, чеканя шаг, выходят вперед. Ветер подхватывает полотнище знамени и разворачивает его. Маги, приветствуя своего командира, выпускают в небо восемь ослепительно ярких лучей.

Чордаш идет вперед под взглядами толпы. Гул голосов стихает. И вот уже перед ним ступеньки, ведущие к престолу. Ступеньки устланы старыми знаменами Боруша. Чордаш с удовольствием идет по этим тряпкам.

Оборачивается. Все взгляды сосредоточены на нем. Крестьяне, замерев, вглядываются в его лицо, замирают солдаты и маги. Тишина разливается над крепостным двором, тишина, пронизанная ясными солнечными лучами.

«Каждый из вас, – подумал Чордаш, – каждый, и ты орк, и самый последний пастух из деревни, все вы запомните этот день на всю жизнь!»

– Люди! Возрадуйтесь! – прокатился над головами его мощный голос. – Я, маг Великого Муреша, мастер Ладжус Чордаш, нарекаю себя наместником Мурешского престола в этих землях. Отныне они принадлежат Мурешу. Отныне вы все находитесь под покровительством мудрых и справедливых Заточенных богов. Отныне вы подчиняетесь закону Муреша, и горе тому, кто попытается воспротивиться этому закону!..

Речь, давно составленная и отрепетированная, лилась легко. Можно было выкрикивать слова бездумно, потому что они все тысячу раз уже произносились во время тысячи воображаемых выступлений.

Его слушали.

Так же как сейчас слушают, они станут выполнять все законы. Они будут отчислять положенную десятину в пользу армии. Их сыновья пойдут в солдаты к наместнику Муреша – потому что у них не останется выбора. Они начнут жертвовать богам Муреша ровно то, что им причитается, и тогда никому не будет чиниться никакого зла...

А потом пришло время суда. На площадь, прямо к выстроенному недавно из свежих досок эшафоту, вывели пятерых пленных: одну старуху, ведьму, и четверых мужчин. Все они были родственниками того побережного князька, что продержался против сил Чордаша возмутительно долго.

Все они участвовали в обороне. И каждый был виновен перед наместником. В смерти его солдат. В бунте. В том, что помогли части укрывшихся в замке крестьян перебраться на другой берег реки подземным ходом. Но самое главное – в том, что были уничтожены продовольственные склады. Хозяева беспощадно предали огню все остатки прошлогоднего урожая. Чордаш, планировавший использовать эти запасы для нужд армии, пришел в бешенство и хозяина, пожилого седовласого князя, казнил прямо там, в замке. Приказал пороть на дворе вожжами, а потом повесить.

Сегодня он с удовольствием вынес его родственникам и слугам тот же приговор, который и был приведен в исполнение немедленно...

Немного подпортило впечатление то, что никто из них, даже старуха, не стал просить пощады.

Но население впечатлилось. Все время экзекуции над двором слышались лишь удары и стоны приговоренных...

Чордаш был уверен, что дальше будет легче.

Боруш он назначил временной столицей. Временной, потому что место неудобное. Потом он найдет надежную большую крепость в центре страны или даже маленький городок. Немного севернее, разведчики докладывали, есть город Севле, который славится прекрасными винами. Правда, там-то как раз придется повозиться...

Тела оставили висеть. Первым площадь покинул сам Ладжус с гвардейцами и знаменосцем. Уходя, он вновь пожалел, что нет оркестра. Потом отворили главные ворота. Сначала сквозь них вышли солдаты Муреша (последними шагали разведчики, об этом Чордаш позаботился лично), затем замковая прислуга убрала деревянные загородки, и крестьяне тоже смогли уйти.

Чордаш, глядя из окна, как они расходятся, подумал, не маленькую ли он назначил десятину?

И сам себе ответил: время покажет. А если что, потом и переиграть можно. Боги, правда, велят без нужды пока никого не казнить и не свирепствовать. Но Чордаш сам знает, как обращаться с людьми, чтобы получить от них максимальную выгоду. Боги далеко. К тому же им, как и всем в этом мире, важно не средство, а результат. И результат им будет!

* * *

С утра Белала чувствовала себя странно. словно весь вчерашний день был сном или ошибкой. словно ночь его отменила и можно все начинать с чистого листа.

Так было до момента, когда в комнату постучала горничная.

Невысокая пожилая опрятная дама строгого вида, с тонкими губами с опущенными книзу уголками принесла воду для умывания и полотенце. Бела ее поблагодарила и с облегчением поняла, что эта новая прислуга не стремится к общению. И сразу все вспомнилось. Все, до мелочей. Даже собственные стыдные слезы, хоть и пролитые в подушку. Каждое слово и каждый жест.

Бела умылась. Посмотрела на разворошенный сундук и вынутые оттуда платья. Наряд, привезенный специально для первого бала в замке паннонского князя, показался ей неправильным. Много кружев, светлая ткань в складочку, жесткий корсет. Розовый шелк.

Словно ничего не случилось...

Она распорядилась его подготовить к выходу. Другого-то официального наряда все равно нет.

Завтрак прошел в молчании. Отец вновь о чем-то напряженно думал и, только когда подали десерт, спросил:

– Бела, скажи, тебе там, в храме, ничего не показалось странным?

Белала улыбнулась:

– Доктор тоже об этом спрашивал. Было какое-то ощущение присутствия, но всего мгновение, мы даже не успели войти в храм. А потом оно исчезло и больше не появлялось.

– Ему ты тоже об этом сказала?

– Сказала. Он хотел разобраться в случившемся. Я же говорила, что он маг, при этом маг, которому я, скажем так, не понравилась. Обманывать его мне показалось рискованно.

– Хорошо, что ты помнишь об осторожности. И все же... вчера я не стал тебя расспрашивать. Но перед тем как задавать вопросы моим знакомым в городе, я бы хотел услышать твои собственные мысли о нем.

Белала пожалала плечами.

Доктор... Что о нем она могла бы рассказать, кроме того что он маг?

Ему хочется верить. Наверное, коллеги его уважают, ученики так точно, даже чужие...

Он может быть жестким и, наверное, мог бы быть хорошим военным. Стоит только вспомнить, что и как он делал в храме. Да нет, не это важно. Важно, что он опасен для врагов, и ей самой не хотелось бы числиться среди его неприятелей. Но он не любит тех, кто читит Заточенных. А это значит, среди друзей доктора Ферга ей числиться тоже не придется.

– Он серьезный враг. Но не думаю, что нам грозит с его стороны какая-то опасность прямо сейчас. Он мог бы, если бы захотел, еще вчера заставить меня рассказать все, что знаю. Но он не стал. И еще... я познакомилась с одним юношей, который служит в госпитале. Собираюсь его осторожно расспросить.

– Хорошо. Пока мы еще не знаем, кто наши враги, а кто друзья, надо жить с оглядкой. Тем более нам предстоит провести в замке несколько дней.

– Несколько дней?

Белферан нахмурился:

– Союз Моравских князей прислал князю Бертоку послов. Вероятно, они тоже будут предлагать ему военный союз... если не что-то большее. Предстоят долгие и тяжелые переговоры. В свете этого возможность хотя бы во время праздника жить прямо в замке, общаться с членами княжеской семьи в неофициальной обстановке – это для нас сейчас очень важно. Белала, прошу тебя, постарайся понравиться княгине. Если она возьмет тебя в свою свиту, мы сможем получать больше сведений из первых рук...

– Разумеется. Ведь именно для этого ты меня с собой и взял?

Отец серьезно кивнул:

– Не будь тебя, у меня не было бы повода напроситься к князю в гости.

До самого обеда Белала ждала, что придет отец Зарины, но этого так и не случилось, а после обеда слуги подготовили карету. До Китшоэ было меньше пяти минут пешком, но званым гостям князя пешком ходить не пристало...

* * *

Представлявшая жилище владетеля государства по прекрасному дворцу Сибу, Белала сначала удивилась. Паннонский замок отличался от него, как солдатский кафтан от наряда королевы. Карета въехала во двор под низким сводом арки. Там, внутри невысокой крепостной стены, расположилось сразу несколько мрачных по архитектуре зданий. Правда, в центре просторного двора хватило места маленькому парку с кленами и подстриженными акациями, и это немного примирило ее с жилищем князя Бертока.

Карета сделала круг по дорожке, остановилась. Лакей открыл дверцу. Белферан вышел первым, протянул руку дочери. Белала ступила на камни мостовой, огляделась. Солнце гладило стену, по ней скользили легкие тени. Пахло пылью и влагой. А еще во дворе замка пели соловьи. В городе она таких звонких птичьих голосов не слышала.

– Идем, – шепнул отец.

И правда, к крыльцу подъезжала уже следующая карета.

Потолки замка казались ей слишком низкими. Старинные гобелены были кое-где закопчены дымом факелов, кое-где выцвели на солнце. И только ковер на полу лежал новый, вероятно, его разостлали специально для праздника...

Должно быть, местные обитатели привыкли и не обращают внимания на эти очевидные признаки застарелого беспорядка.

Зато какой открывался вид с галереи! Окна ее по случаю лета и хорошей погоды были открыты настежь, ветер трогал легкие муаровые занавески. А за ними лежал весь город, и поля за городом, и буковые рощи. А совсем далеко виднелась линия гор.

Комнаты, выделенные трансильванским гостям, располагались рядом и имели общую гостиную. Комната Белалы оказалась меньше, но была богато обставлена и украшена картинами, на которых благородные паннонские дворяне охотились на оленей, зайцев и лис.

Самое главное место в комнате занимала высокая кровать под балдахин. А вот зеркало здесь было небольшое, в старинной темной раме.

Бела улыбнулась своему отражению и тут же покинула комнату. Отец распорядится, чтобы сюда из городского дома доставили все самое необходимое, а пока нужно лишь поправить прическу и поспешить в зал, где вот-вот начнется официальное представление посольства...

Знать бы еще, где этот зал.

Однако искать ничего не пришлось. В гостиной их с Белфераном уже ждал распорядитель, который коротко пересказал протокол представлений и искренне посоветовал поторопиться.

А в главном зале замка все оказалось иначе. Много света – высокие окна, украшенные витражными ромбами, магические светильники под потолком и у стен; много золота, зеркал, светлых драпировок.

Дорожка красной ткани вела к трону князей Паннонских, рядом с этими высокими креслами, чуть ниже, на специальном помосте, расположились другие знатные обитатели замка. Белала решила, что это родственники и ближайшие друзья князя. Возможно, среди них были и телохранители... если этому высокому, с военной выправкой мужчине вообще нужны телохранители.

Белала шла по красной дорожке. Играл небольшой оркестр. Дорожку пересекали полосы солнечного света, падающего из окон. Она считала полосы. Всего их пять. Вот они миновали первую – розовое платье празднично вспыхнуло в луче. Вот вторая, третья...

На четвертой глашатай объявил:

– Граф Белферан Вораш, посол трансильванский! Графиня Белала Вораш!

Бела присела в изящном поклоне. Встретилась взглядом с княгиней. Та благожелательно улыбнулась. Но улыбка показалась Беле натянутой, усталой и ненастоящей.

Зато юная княжна улыбалась во весь щербатый рот. Это была худенькая девочка лет двенадцати, которой совершенно не подходили ни пышное, от груди, платье, ни прическа, сооруженная на голове из накладных локонов и лент.

Четыре года назад, когда Бела появилась дебютанткой при дворе Сибу, у нее на голове была подобная прическа. Оставалось только пожалеть девочку. Но, кажется, та не испытывала никакого неудобства...

За княжескими креслами Белала внезапно разглядела знакомую фигуру. Доктор Ферг! Он-то что здесь делает? Бела на всякий случай чуть склонила голову в его сторону, давая понять: я вас увидела и узнала! Ферг ответил невозмутимым поклоном. Он казался единственным человеком, который не принарядился по случаю праздника. Правда, светлую льняную рубаху поменял на шелковую черную.

Белферан повел дочь вдоль стены, туда, где уже собрались придворные. Дамы обмахивались веерами и о чем-то оживленно разговаривали. Их речь казалась немного странной, но трудностей с пониманием не было. Бела даже поймала себя на том, что подхватила некоторые особенности здешнего произношения у Зарины.

Она присмотрелась к их одеждам. В Паннонии одевались в целом проще, чем в прекрасном Сибу, но старались следить за модой. И юбки тут принято носить не такие пышные, с облегчением заметила она. Были даже две особы, наряженные «под эльфиек». Бела подумала, что, может быть, черное шелковое платье ей еще пригодится...

Меж тем были представлены все прибывшие в Паннонию иностранные гости, и лакеи распахнули двери в танцевальный зал. Вот и первая возможность пообщаться со здешними обитателями...

Бела была уверена, что забыла все танцевальные движения напрочь, тем паче что здешние бассадансы могли отличаться от принятых при трансильванском дворе. Поэтому, когда объявили первый менуэт, постаралась отступить подальше и скрыться в тени. Это не очень помогло – молодой человек в кремово-белом наряде протянул ей руку, приглашая. И началось...

Танцы сменялись один другим. Сменялись и партнеры. Белале стоило большого труда копировать их движения и не сбиваться с ритма. Сама себе она казалась неопытной и неуклюжей, но, кроме нее самой, этого, к счастью, никто не замечал. Князь Берток танцевал с супругой. Княжна тоже танцевала. Кажется, со своим учителем хореографии. Ферга видно не было.

Торжественный ужин, поданный после танцев, запомнился Белале тартессийским вином и невероятным количеством самых разных закусок. В Сибу такие пиры давно вышли из моды. Часто гостям подавали лишь фрукты и легкие блюда. Но, похоже, в Паннонии, как в древние времена, считали, что первый долг хозяина – как следует накормить гостя. А после ужина благородные господа отправились в парк, где маги и специально приглашенные артисты уже готовили представление.

Белферан подхватил дочь под руку и подвел к стайке молодых людей и барышень примерно ее возраста.

– Графиня, – сказал он с поклоном, – разрешите представить вам мою дочь Белалу. Бела, знакомься, это графиня Тиана Теранен, хороший друг трансильванского двора и наш, я надеюсь, будущий деловой партнер.

Бела присела в поклоне. Графиню она запомнила еще во время танцев. Красивая, элегантная и грациозная, она весь вечер была в центре внимания кавалеров.

– Тиа, – улыбнулась графиня, – для друзей только так.

– Бела.

– Ну, оставлю вас, – улыбнулся Белферан и тут же куда-то заторопился.

– Вы только что из Сибу. Расскажите же нам, чем живет сибушский дворец! Я была там всего единожды, но поверьте, господа, он прекрасен! Теперь есть кому это подтвердить!

Бела нехотя принялась рассказывать, но по мере разговора увлеклась, стала припоминать подробности своей жизни при дворе четыре года назад. Присутствующие мечтательно вздыхали, кто-то задавал вопросы, кто-то просто слушал. Так, за приятной беседой, они подошли к подмосткам, на которых жонглеры и акробаты показывали удивительные трюки. Они подкидывали и ловили горящие факелы, выстраивали пирамиды, ходили по высоко натянутому канату... а потом дело дошло и до магического представления.

Маги расцветили небо и парк яркими огнями. По очереди они демонстрировали свои умения в создании иллюзий невиданных животных и птиц...

Когда представление закончилось, Тиа предложила Белале погулять по Китшоэ.

– Я хочу отблагодарить тебя, Бела, за сегодняшний рассказ и приглашаю на прогулку по замку. Обещаю, будет интересно. Китшоэ – самое древнее здание в Агере.

Отказываться Бела не стала. Она успела составить представление о молодой паннонкой аристократке. Но выводы стоило проверить. И обижать ее тоже не хотелось. Как-никак Тиа сама предложила дружбу и помощь.

Тиа оказалась отличной рассказчицей, и благодаря этой прогулке Бела действительно много узнала о замке и его истории. Пожалуй, она даже поменяла свое мнение о нем. Да, древний, да, не блистает изысканной воздушной красотой праздничного Сибу, но он не лишен собственного очарования. Очарования, овеянного столетиями истории агерского правящего дома...

...А гобелены в военном зале такие древние, что их нельзя снимать, даже чтобы почистить, – расползутся на ниточки...

Запомнились пустующие казематы под землей. Сейчас часть из них превращена в винные подвалы, а когда-то это была тюрьма.

Картинный зал тоже произвел впечатление – зал, где висят портреты всех властителей Китшоэ за последние пять веков.

С темных полотен глядели на Белу суровые бородатые мужчины, юноши в доспехах, строгие дамы, старухи, девочки и мальчики...

– А Князь Мертвецов тоже здесь?

– Его звали Эрно. – Тиа пожала плечами: – Нет, его портрета здесь нет. Говорят, его попросту не успели закончить. Но зато есть маленький портрет в Запертых комнатах.

– Интересно!

– Ничего особенного. Сто раз видела. Обыкновенное лицо. Вот его брат Джерго, отец князя Бертока, был красавчик. Идем, покажу...

У молодого князя Джерго были светлые волосы и очень приятная улыбка. Пожалуй, сын внешне походил на него. А вот характер, скорей всего, унаследовал от матери...

– А что за Запертые комнаты?

– Бывшие личные апартаменты твоего Князя Мертвецов с семейством. Они до сих пор пустуют, а ведь больше тридцати лет прошло. Там даже мебель вся осталась. Ну, и картины. Все ценное, конечно, давно перенесли в другие комнаты. Считается, что это князь Джерго распорядился там ничего не трогать. Дескать, хозяин может вернуться. А Запертыми они только называются. Туда и прислуга ходит прибираться. А один раз одна знатная дама... я не буду называть ее имени... заперлась там с любовником. Она клянется, что слышала завывания призрака...

Графиня сделала страшное лицо и завывала, подражая призракам. Обе девушки засмеялись.

– А любовник?

– Что – любовник?

– Тоже слышал завывания?

– Не знаю... а может, это он сам и завывал!

В приподнятом настроении они вернулись в жилую часть замка и там распрощались, уговорившись встретиться на следующий день и продолжить прогулки по старому Китшоэ.

А Бела решила, что, кажется, добраться до Князя Мертвецов будет не так и сложно. И значит, скоро она выполнит обещанное.

Глава 4

Белала оказалась недалеко от истины, когда решила, что Ферг оказался на балу не случайно и, скорей всего, по делу. Дело это было напрямую связано со вчерашними событиями.

В час, когда музыканты заиграли вступление к менуэту, а старший караульный отправился разводить по замку посты, доктор ждал встречи с капитаном личной княжеской гвардии кавалером Лусом. Капитан был одним из тех, кто балы считает лишней помехой в строгом дворцовом распорядке и часто в такие дни лично проверяет, как его люди выполняют свои обязанности. Сегодняшний день не должен был стать исключением.

Нет, Ферг мог бы поступить иначе. Мог, например, прийти к Лусу на прием, как рядовой горожанин или соискатель. Или мог сообщить о предстоящем визите его дворецкому.

Но у этих способов имелись существенные минусы. Во-первых, Ферг не желал, чтобы их встреча выглядела официальной, а во-вторых, время. Неизвестно, сколько бы пришлось ждать.

И потому, прикинув все «за» и «против», Ферг неторопливо прогуливался по верхней галерее. Ее капитан княжеской гвардии миновать не должен был никак.

Действительно, не успела за стеной стихнуть музыка первого менуэта, как капитан Лус появился в поле зрения. Доктор, развлекавшийся разглядыванием родового древа князей Шорош, повернулся ему навстречу и учтиво поклонился:

– Капитан, прошу простить, но мне нужно поговорить с вами немедленно.

– А, это вы, Ферг. Признаться, я уже забыл, когда видел вас в последний раз.

– Это было примерно два года назад, если мне не изменяет память. Встречались мы с вами здесь, в замке, на именинах княжны Лисии. Вы подарили ей игрушечную лошадку, и девочка долго возмущалась, что это подарок для маленьких мальчиков, а она, во-первых, девочка, а во-вторых, большая.

– Да, точно. Так я вас слушаю.

– В последнее время в окрестностях города вновь появились случаи княжьей болезни. Понимаете, о чем я?

– Княжья болезнь? Но уже лет пять как ни одного случая...

– Вот именно. Новая болезнь только похожа на княжью в первичных проявлениях. Позже для нее становятся характерны признаки кататонии. Но у меня есть и другие версии. Дело в том, что все три известных сейчас случая заболевания сильно отличаются друг от друга. Сознание больного помрачается, он начинает выдавать самые непредсказуемые реакции, в том числе агрессию. Понимаете? Это может быть опасно не только для самого больного. Для любого, кто окажется рядом.

– И что же вы от меня хотите? Я не лекарь.

– Дослушайте, капитан. Вчера в окрестностях Агера погибла девушка. Ее жестоко убил такой вот больной. Другого такого же по моему распоряжению чуть больше недели назад доставили из Салека. Да что там, сам князь Берток рассказал мне на днях похожую историю. Эта болезнь – если это действительно болезнь – опасна. И по тем тенденциям, которые я вижу, она распространяется.

– Послушайте, Ферг. Я всего лишь военный, отвечающий за порядок в замке...

– В таком случае готовьтесь к тому, что новая болезнь доберется и сюда. Мы не знаем ее природы. Не знаем, как она передается. Пока не знаем. Но я вам точно скажу, что будет, если о новых случаях узнают в городе. Поверьте, вчерашняя история уже стала любимой темой для обсуждения в кабаках и на кухнях.

– Считаете, начнется паника?

– Я не сказал? Больной эту девочку попросту загрыз. Зубами. И крестьяне это видели. Да, думаю, будет паника.

– Значит, вы предлагаете подготовить солдат...

– О нет. Я не собираюсь лезть в дела военных. Просто предупредил. А нужно мне... Мне нужна помощь. Необходимо собрать сведения о подобных случаях в городе и окрестностях. Собрать тихо, чтобы никого раньше времени не потревожить. Мне требуется узнать число заболевших, время, когда они заболели. Время смерти, если кто-то успел умереть. И еще география. Где это случилось. Пока мне известны три случая, и все – неподалеку от Салека. А в Салеке, напомню, княжеские купальни, в которые все семейство обязательно направится ближе к августу.

Лус нахмурился:

– То есть вы готовы поклясться, что это на самом деле может быть настолько опасно.

– Разумеется. Князь, кстати, считает так же. Но вы же знаете его светлость. Он готов раструбить о новой напасти направо и налево. А если это случится, тихо узнать нужное уже не получится.

– Я поговорю с капитаном городской стражи... а совет Семи Мудрецов предупредить не следует?

– Совет предупрежден.

Только эти так называемые мудрецы, ставленники городских цехов и купеческих гильдий, заботящиеся сначала о прибыли и только потом уже обо всем остальном, так ему и не поверили.

– В таком случае я сообщу вам, как что-то узнаю.

– Можно оставить весточку в госпитале.

– Буду иметь это в виду. До встречи, сударь!

– До встречи.

Ферг проводил капитана задумчивым взглядом.

* * *

Белала снова не могла заснуть – мешали впечатления минувшего дня. Повалившись около получаса и убедившись, что сон призывать бесполезно, она затеплила свечу, надела заботливо разложенное служанкой на кресле домашнее платье и выскользнула в гостиную. От свечи на мебель и стены падали причудливые густые тени, и казалось, что в их чернильной глубине кто-то прячется. Это были нестрашные существа. Страшные – не прячутся. Страшные нападают.

В нишах над гобеленами светили магические фонарики. Свет от них был не таким ярким, как от свечи, и холодным. Как будто маги запихнули под стекло кусочки пасмурного дня. Свет этот едва заметно мерцал.

Бела не стала задувать свечу – наверняка же в Запертых комнатах магические огоньки не предусмотрены. А постороннее колдовство легко заметит дежурный маг.

Нет, с магией в столице Паннонии нужно быть предельно осторожной.

Да, может, еще ничего и не получится. Конечно, когда они вечером проходили мимо искомых комнат, ни замков, ни засовов не увидели, но мало ли.

Так, успокаивая себя, Бела свернула из гостевой в парадную часть замка. Здесь тоже было мало света, да он и не нужен, в этот час не спят только гвардейцы, охраняющие Китшоэ. Но бóльшая их часть должна быть этажом выше, там, где живут князь Берток и его семья. Еще она помнила посты возле парадной залы, на лестнице и на галерее. Туда ей не нужно. Князь Эрн Шорош жил в том же крыле, в котором сейчас принято размещать гостей.

Короткий этот путь она преодолела быстро и без приключений.

Дверь в старые княжеские покои оказалась не заперта. Огонек свечи выхватывал по очереди зачехленную мебель, сложенные стопками старые вещи и книги. Как во всем этом можно найти нужные бумаги? Как вообще понять, какие записи нужны трансильванским магам?

Белала увидела подсвечник на пять свечей, им, вероятно, пользуются, когда прибирают здесь. А сейчас он будет как нельзя кстати. Она тщательно затворила входную дверь, даже засов не забыла задвинуть, и сразу почувствовала себя намного спокойней.

Когда загорелись все пять свечей, тени стали прозрачней. Бела на пробу откинула ткань с одного из столов. Стол оказался резным секретером. Может быть, стоит изучить его внимательно... но не сейчас.

Пока надо получше осмотреться здесь. Эта комната, вероятно, служила Эрно гостиной. А должна быть и спальня, и детская, ведь у него сын. И у княгини отдельная комната. И, наверное, кабинет тоже...

Она медленно шла, поднося свечи к картинам на стенах. Некоторые из них тоже покрывала ткань, с некоторых льняные полотнища убрали.

Это были пейзажи, кажется, выполненные одним и тем же художником. Буря в каком-то южном городе, и одинокий солнечный луч, пробившийся сквозь грозу, выхватывает белую башню на скале. Древние развалины, заросшие густой травой. Над ними яркий летний день, а на переднем плане – потрескавшаяся и оплетенная растениями голова античной статуи. Осенний лес...

А вот женский ростовой портрет. Наверное, это беглая княгиня, жена князя Эрно. Та самая, которую он собирался убить. А может, и убил, ведь Зарина так и не рассказала, что там случилось, в той пещере, как ее... Агдоле. На портрете княгиня мягко улыбалась, длинные волосы прядками ложились на плечи, их не могло скрыть тонкое полотно накидки, спускающейся из-под венца.

У нее был красивый овал лица и большие серые глаза, в которых, казалось, отражалось пламя свечей. Кружевной ворот платья оставлял открытой шею, украшенную геммой на каждом шнурке. Художнику отлично удалось передать свойства материалов. Казалось, стоит протянуть руку, и почувствуешь и мягкость меха, и легкость шелка, и шершавость кожи...

Рядом, тоже незадрапированный, висел мужской портрет. Белала без колебаний определила на нем князя Эрно – он попросту был похож на брата. Только волосы темные. Да нет, не только. Видно, что этот портрет писался раньше, на нем князь выглядит моложе Джерго. И, глядя на него, не веришь, что всего через год или два вот этот молодой дворянин с открытым взглядом и едва заметной улыбкой на губах чуть не погубит собственную страну, станет причиной смерти жены и сына.

С улыбкой что-то было сильно не так, но Бела не успела разобраться что, потому что из-за ее спины внезапно донеслось:

– Не спится, графиня? Не ожидал встретить вас здесь. Но почему-то совершенно не удивлен.

– Доктор...

– Полагаю, бессмысленно спрашивать, что вы забыли в этих комнатах. Вы мне сейчас со свойственной вам честностью расскажете, что ни в чем не виноваты, и даже добавите о какой-нибудь баронессе или графине, которая вам посоветовала непременно ночью сюда забраться...

Бела поставила подсвечник на ближайшую гладкую поверхность.

– Нет, доктор. Мне просто не спалось.

– И вместо того чтобы прогуляться по парку или выйти на балкон...

Бела пожалала плечами. Врать она не собиралась, говорить правду – тем более.

И тут вспомнила, что перед тем, как начать осматриваться, заперла комнату на задвижку.

– А вы сами-то как сюда попали?

– Работал допоздна. У меня кабинет по соседству.

– Я заперла вход.

– Неужели вы думаете, что он тут один? Я услышал шаги, увидел свет и решил проверить, кто это гуляет здесь посреди ночи. Графиня, будьте осторожны...

– Это угроза?

– Что вы! Это предупреждение. Я разговариваю с вами второй раз, и второй раз мы беседуем в таком месте, где вам совершенно не нужно находиться. Идемте, я провожу вас.

Бела сделала шаг к двери, но и только. Остановилась. Повернулась лицом к Фергу:

– Он не похож на убийцу. Князь Эрно.

– Ни один убийца не похож на убийцу. Иначе незачем было бы их бояться. Отлавливали бы их прямо в детстве и...

– Что?

– И не давали пугать людей. Но если это вас утешит, он действительно не был убийцей. Вот так не повезло парню в жизни. Был бы убийцей, может, до старости дожил бы...

– Вы меня заинтриговали.

– Графиня, завтра расспросите придворных. Они вам с удовольствием все расскажут, а если захотите, то и покажут. А сейчас ступайте спать.

Он действительно проводил ее до дверей спальни и убедился, чтобы она задвинула за собой засов.

Бела только сейчас сообразила, что шла по замку с подсвечником из Запертых комнат, которые оказались не то что отпертыми. Они оказались незапираемыми в принципе...

* * *

Ферг только у открытой настежь двери вспомнил, что подсвечник унесла трансильванская графиня. Нашарил в кармане электрический фонарик и в его луче аккуратно задвинул засов. Потом поправил белые полотнища, скрывающие мебель. Остановился перед портретом Эрно. Усмехнулся в бороду, перевел взгляд на княгиню. В электрическом луче портрет стал просто портретом. Холст, на котором художник изобразил фигуру, лицо, глаза. Образ рассыпался на детали. Так же он рассыпался и в памяти.

– Знаешь, Эдит, мне кажется, наша трансильванская гостя бродила здесь не просто так...

Ответа, конечно, не последовало. Ферг с суетливой поспешностью, как вор, быстро опустил драпировки на оба портрета. Затем сдернул чехол с одного из стульев, сел, выключил фонарик. Темнота завладела помещением, темнота и тишина, в центре которой с закрытыми глазами сидел князь Эрно Шорош, не тот, с портрета, другой, почти на сорок лет старше. У этого за плечами была война. И отречение. И ученичество у десятка магов и целителей, и почти безнадежные попытки спасти хоть что-то... А потом, совсем в другом мире, – Будапештский медицинский университет. И десять лет жизни в чужой, далекой и холодной стране. И там тоже мединститут... и еще, наверное, год – на юге, где он пытался объединить магию и накопленные знания по медицине и психологии.

И возвращение. И откладываемое до бесконечности посещение Агдоле...

* * *

В тот год осень выдалась теплой, и они почти весь сентябрь провели в летнем домике в Салеке. Эрно хорошо помнил, как они туда уехали – в начале мая, сразу после похорон отца и присяги магов. Конечно, сам он почти ежедневно мотался между деревней и Китшоэ и, кажется, меньше всего был озабочен тем, что подумают об этом придворные. Тяжелое послевоенное время наложило свой отпечаток и на Паннонию, которую боевые действия зацепили

лишь краем. Страна многое отдала ради победы. Много ушло на войну и дворян, и простых солдат-ополченцев. Слишком уж близко был враг, слишком яростные велись бои...

И теперь зарастали поля. Обветшавшие дома требовали ремонта. Не хватало лошадей... не хватало людей.

Эрно разрывался между государственными делами и семьей – его первенцу только-только исполнилось два года. Но он знал, что обязательно со всем справится. Иначе и быть не могло. Тогда он думал, что магия – это такой инструмент, владея которым просто нельзя проиграть. Это была наивная мысль.

Вот и в тот день. Совет Мудрых – в состав его входили тогда, как и сейчас, четыре представителя купеческих гильдий и три старших цеховых мастера – затянулся до глубокой ночи. Спорили о понижении налогов в свете неплохого урожая. Спорили до хрипоты о дорожных налогах, без чего не получится даже начать ремонт столичных улиц...

Молодой князь понимал, что гильдии не желают поддерживать политику, от которой страдает их собственный кошелек, только-только начавший снова пополняться. Но собирался настаивать, что налог нужно снизить. Иначе сельская беднота станет городской нищетой, как это случилось уже в некоторых менее благополучных городах. Но, чтобы убедить в этом купцов, требовалось время и поддержка хотя бы кого-то в Совете. А чтобы получить такую поддержку, нужно было больше времени тратить на разговоры. Именно поэтому Эрно и оставался в Китшоэ уже третью ночь, хотя больше всего на свете желал бы оказаться в Салеке.

Он шел по парку, усталый и злой.

Он никого не желал видеть. Хотел умыться и упасть в постель.

Но до своих комнат дойти ему так и не удалось. Из тени кленов вышел смутно знакомый, хорошо одетый дворянин. По случаю теплой погоды на нем не было плаща, зато бросалась в глаза перевязь и узкий италийский меч на боку.

Эрно еще подумал: наверное, он воевал на юге. Сейчас много появляется иноземного оружия. Если и вправду пришли мирные времена, то вот будет радость для ценителей...

Незнакомец учтиво поклонился, приподняв шляпу:

– Доброй ночи, ваша светлость.

– И вам доброй ночи, – нахмурился Эрно. Он все пытался припомнить имя гостя или обстоятельства, при которых они могли встречаться.

– Рад видеть вас в добром здравии. Я ждал вас.

– Может, перенесем нашу встречу на утро?

– К сожалению, нет. Извините, ваша светлость, но это вынужденная мера...

Молодой князь не успел даже подумать о том, что незнакомец мог прятаться в парке не один, как кто-то подошел со спины и ловко, в одно движение, защелкнул у него на шее что-то, больше всего похожее на свободный кожаный ошейник. Эрно извернулся и ударил нападавшего, но тот ловко уклонился, а новоявленное украшение осталось у князя на шее.

– Прошу простить, – весело сказал дворянин, – но мне дорога моя жизнь, и я предпочитаю по пустыкам не рисковать. И не пытайтесь снять – он магический. Кстати, колдовать тоже не пробуйте – не добьетесь ничего, кроме сильнейшей головной боли. Проверено многократно.

Эрно все же оцупал кожу ошейника. В нее были вделаны гладкие металлические кружляши, но в остальном это действительно оказался просто ошейник.

– Что вы от меня хотите?

– Видите ли, князь... нам нужны вы. Не просто какое-то дело, не деньги и не что-либо еще. Нам нужны вы, ваша помощь и поддержка.

– Кому это вам? Кого вы представляете, кто вы?

– Столько вопросов, – поморщился его собеседник. – Ну, хорошо, я попробую ответить на некоторые. Всему, однако, свое время. Если мы договоримся, то скоро вы будете знать несо-

измеримо больше, а ваша сила и власть поднимутся на недостижимые высоты. Но действовать нужно постепенно.

– О чем вы?

– О маленьких, едва заметных изменениях. Для начала. Вы же сами видите, вы молоды, неопытны. А управление страной – это серьезное, тяжелое дело, которое невозможно тянуть в одиночку.

– И вместо нормальных переговоров вы надеваете на меня ошейник. Вы представляете, чем это кончится?

– Вашей немедленной смертью, если вы попытаетесь поднять шум или как-то еще привлечь к себе внимание. Ваша смерть, поверьте, нас тоже устраивает – с вдовой будет договориться намного проще. Да и с вашим юным братом, если власть перейдет к нему, тоже. Вы, конечно, можете сейчас меня выслушать, а завтра попытаться поменять решение... но об этом речи пока не зашло. Ну так будьте благоразумны.

– Смерти я не боюсь... – Тогда ему действительно так казалось.

– Вы не поняли. Это не переговоры. Мне не нужны переговоры. Мне нужно только ваше согласие. Желательно подтвержденное клятвой.

– Вы даже не сказали, кто вы. В чем я должен перед вами клясться?

– Кто я – узнаете в свое время. Что мне нужно, вы слышали.

– Конкретней! Вы сказали – вам нужна моя помощь. Это несерьезно. В слово «помощь» можно втиснуть дюжину значений.

– О, для начала... вот список фамилий. Это все родовитые дворяне, знатнейшие представители нашего общества. Но ваш отец почему-то отдал их от двора, кому-то даже запретил появляться в столице. Нужно всего-то восстановить их в правах. Подписать один короткий документ, и дело сделано. Мы даже подготовили его для вас...

– Достаточно. Я догадался, кто вы и кого представляете... Ничего не подпишу.

– Напрасно. Напрасно вы считаете, что если война закончилась, то закончилась и борьба. Этого не было и не будет. Но мы отвлеклись. Значит, не желаете сотрудничать...

Эрно покачал головой. Он почти не сомневался, что прямо сейчас его убивать не будут. Иначе покинуть Китшоэ убийцам станет проблематично.

– Печально. Не жаль своей жизни... вспомните, ведь у вас есть молодая супруга и сын... Как зовут мальчика? Лорант?

– Они под надежной охраной...

– Под надежной ли? Вы уже третий день здесь. Они там. Я вам шаг за шагом могу описать, чем сегодня занималась ваша жена и во что играл ваш сын.

Эрно промолчал.

– Мы не звери, – продолжил адепт Заточенных богов. – Я не хочу ни вашей смерти, ни смерти вашей жены. Вы мне даже симпатичны. Но вы должны поверить, что наши намерения серьезны. Завтра езжайте в Салек. Все увидите своими глазами. Если передумаете, поднимитесь на горку. Я увижу. И найду способ назначить вам новое место встречи. Но боги видят, лучше бы вы согласились...

– Снимите ошейник.

– Нет уж. Пусть пока побудет на вас. Мне моя жизнь, знаете ли, еще пока дорога. Ну, до скорой встречи, князь Эрно Шорош. До скорой встречи.

Надо было убить его еще тогда.

Но тогда Эрно ничего не умел. Не мог он выйти с голыми руками против человека, вооруженного мечом. Не справился бы.

Попытка снять ошейник привела к сильной головной боли, как и обещал незнакомец. Кроме того, Эрно стало трудно дышать. Он ограничился тем, что намотал на шею шелковый платок и помчался в Салек. Так было надо. Убедиться, что с Эдит и Лорантом все в порядке.

И все было действительно в порядке... до завтрака. За столом Эдит внезапно вскрикнула и упала на пол. Ее била крупная дрожь. На лбу выступил пот, а когда Эрно поднял ее на руки, оказалось, что у нее ледяные ладони. Он уложил ее в постель, послал за лекарем и потом долго пытался привести в чувство и выяснить, что именно болит. Плачущего Лоранта унесли в его комнату. Эрно даже не обратил внимания. Он почему-то был уверен, что лекарь ничем не сможет помочь...

Болезнь началась утром, а в обед князь Эрно уже поднимался на соляную горку, что располагалась совсем рядом с княжеским домом.

Ненадолго его хватило... но кого бы хватило на дольше?

...Ферг с силой потер лицо ладонями. Нашарил на полу упавший фонарик и побрел в свой кабинет. Во времена Эрно там, кажется, была кладовка.

* * *

Следующий день начался с конной прогулки, учиненной для иностранных гостей его светлостью князем Бертоком. Кроме собственно иностранцев – трансильванского посла с дочерью и посольства моравских князей – в выезде приняли участие некоторые местные дворяне. Была здесь и Тиа – ее сопровождала целая кавалькада поклонников. Был и сам князь, и его супруга. Был и Ферг. Ну, правильно, вдруг кто-то с лошади свалится? Не хватало разве что княжны Лисии. Белферан о чем-то вполне по-дружески разговаривал с моравцами. Белала сначала прислушивалась к разговору, потом поняла, что это бессмысленное занятие. О важном они на прогулке говорить не будут, а неважные дела сводятся к обычному обсуждению погоды и сравнению пород лошадей.

Разговоры Тианы и ее спутников тоже сводились к лошадям и еще к разным рискованным авантюрам. А потом внезапно принялись обсуждать, бывают ли вампиры. И тут всплыло в разговоре имя самой Белалы и то, как погибла ее служанка.

– ...а вот мы сейчас узнаем! Бела! Езжай к нам!

Тиа приветливо взмахнула рукой в белой тонкой перчатке.

Бела, про себя в который раз уже обругав дамские седла, принудила лошадь догнать графиню и ее спутников.

– Бела, мы слышали, в день приезда с вами случилась неприятность. Пострадала ваша служанка?

– Горничная. Так и есть. Она погибла.

– Какой ужас! Говорят, на нее напал некий молодой дворянин... и он пил ее кровь!

«Следы зубов – человеческие...» – припомнила Бела.

А перед глазами – пыльный пол, на котором какие-то ветки, прошлогодние листья и доски. И доктор Ферг, отстраненно и неспешно изучающий разорванное горло Зарины.

– Я не знаю, пил ли. Горло разорвал, крови много было. Мне неприятно об этом вспоминать.

Тиа приподняла бровки:

– Надо же. Я думала... – Она на секунду отвела взгляд и прикусила губу. – Впрочем, мало ли. Всякое бывает. И что же случилось дальше?

– Крестьяне подняли его на вилы, но спасти девушку было уже поздно.

– На вилы? А говорят, вампиры невероятно живучи, и остановить их можно только серебром.

– Вилы были большие и ржавые, – усмехнулась Белала. – Они торчали у него из груди. А изо рта текла темная кровь.

Бела вдруг увидела себя глазами графини.

Дочь трансильванского посла. А в Трансильвании, как известно, даже Заточенные боги не под запретом и просто так, гуляя по улице, можно встретить жреца в черно-бежевой развевающейся мантии. Как всем известно, в отдаленных замках Трансильвании есть домашние молельни, и каждый ребенок умеет проводить первые три обряда на крови. И убийства не караются законом.

А здесь мирная, спокойная жизнь. Всех приключений – охота, да, может, появление нового, незнакомого лица среди придворных. Но любая охота может надоесть. И любое новое лицо со временем становится привычным.

А им хочется погони, им хочется жить так, как жили родители и деды, – чтобы кровь стучала в висках, чтобы магия была повсюду, чтобы страшно и интересно.

Бела даже почувствовала себя старшей в этой компании. Хотя старшей отнюдь не была. Она-то знала, что никакая жертва не приносится ради внешнего эффекта. Если бы могли избежать кровопролития, Заточенные нашли бы способ обойтись без него.

– Это был молодой человек лет двадцати, но перед тем как погибнуть, он долго голодал и, возможно, долго шел пешком. Кстати, вон едет доктор Ферг, он тоже там был.

Тиа сощурилась:

– Был? Он? Вечно этот княжеский лекарь сует свой длинный нос, куда не следует. Однажды это ему выйдет боком!

– Вы его не любите.

– Он зануда, – сообщил один из молодых придворных. – Но что самое мерзкое, князь к нему прислушивается. И ведь пропал где-то больше двух лет. Все уже считали, что не вернется.

– Так он недавно появился?

Тиа удивленно спросила:

– Белала, неужели он тебе интересен?

– Так же, как все остальные, с кем я уже говорила. Я еще очень мало с кем успела познакомиться.

Графиня улыбнулась:

– Тогда ладно! Надеюсь, ты уже поняла, что наше общество намного интересней?

– Конечно!

Это в некоторой степени была ложь. Общество графини и ее почитателей нравилось Беле лишь чуть больше, чем общество обозленного на нее доктора.

Дорога вела на север, и вскоре уклон стал ощутим.

– Куда мы едем?

– Это Буковая гора. Мы скоро окажемся на поляне, с которой открывается потрясающий вид на город и окрестности. И там будут музыканты, и вино... – Она наполовину в шутку закатила глаза. Лицо Тиа, кукольно красивое, было словно специально приспособлено для такой вот пантомимы. Кавалеры заплодировали, Белала тоже не смогла сдержать улыбки...

Добрались до места совсем скоро. Солнце еще не успело подняться в зенит, и под деревьями лежали синие тени. Там уже, оказывается, были сколочены деревянные столики для гостей, на столиках лежали скатерти, украшенные понизу искусной вышивкой. На столах ждало угощение, а чуть в стороне в котлах бурлило, поспевая, горячее.

Бела решила прогуляться по поляне – пока еще не все подъехали и не начались традиционные застольные речи.

Черный шелк любимого «эльфийского» платья зашелестел по траве. Нет, на самом деле оно никакое не эльфийское. Просто так сказал о нем купец в Сибу, торговавший в одной из самых претенциозных лавок магического квартала. Торговец перепродавал дорогие иностранные ткани и совсем немного выставлял готового платья. А это было создано как будто специ-

ально для Белы. Стоило платье на удивление недорого, и Белферан купил его дочери, не раздумывая. За минувшие четыре года у Белы было всего несколько поводов его примерить.

Она дошла до опушки леса. Подлесок здесь был тщательно вычищен, под деревьями куда-то дальше вела хорошо видимая неширокая тропа. Пели птицы.

Легко было представить, что ты здесь одна, что все беды и заботы остались далеко, внизу, в Агере, где угодно.

Оттуда, из тени, вышли двое. Они поначалу не заметили Белу, и до нее долетело несколько фраз:

– Ферг, это переходит всякие границы!

– Вы словно не слышали, что я вам столько времени объяснял. Это опасно, в конце концов.

– Не верю. Сам говоришь, что вопрос не до конца изучен! Вот и изучай!

– Князь Берток! Я не хотел напоминать, но у вас семья.

– Демон тебя побери, я знаю. И именно поэтому...

Только тут Бела поняла, что навстречу ей идут из-за стволов сам его светлость князь и доктор Ферг. И они не просто ссорятся. Доктор смеет отчитывать князя, как будто тот – мальчишка.

Но и князь увидел Белалу и вполне мирно закончил фразу:

– Я просто подожду, что донесет стража. Графиня, здравствуйте! Как вам прогулка?

– Благодарю, ваша светлость, прекрасно. – Бела поклонилась.

– О, а вот и моя супруга. Ферг, графиня, я вынужден вас покинуть!

Князь учтиво поклонился Беле, Фергу едва кивнул и помчался навстречу жене, которая его успела потерять.

– Я снова нахожусь там, где мне не следует находиться? – спросила она у Ферга.

Тот не стал отвечать прямо, но зачем-то сказал:

– Здесь начинается самая короткая дорога в Моравию.

– Она не выглядит наезженной.

– Это потому, что карете по ней не пройти. Да и путешествие верхом тоже будет сопряжено с некоторыми трудностями. Этой дорогой стоит воспользоваться, если у вас небольшая поклажа и если вы очень торопитесь.

Они, оказывается, возвращались к накрытым столам. Было слышно, как музыканты настраивают инструменты.

Чтобы не молчать, Бела спросила:

– Вы что-то узнали о том, что случилось? В храме?

– Магия. Хуже всего, что я не могу понять ее природу или первопричину. И очень боюсь, что это был не последний случай.

– Так вы об этом предупредили князя?

– Об этом.

– И он разозлился?

– Каждое лето семья князя перебирается на соленые озера Салека. А все известные случаи новой болезни – или в самом Салеке, или по дороге к нему. Такие дела. О, на нас с вами уже смотрят ваши друзья... Пожалуй, нам пора попрощаться.

Ферг изобразил легкий, но элегантный поклон и сразу растворился в толпе придворных. Бела, делать нечего, подошла к Тиане.

– Все-таки он вам интересен, – улыбнулась графиня.

– Он сказал, что моя служанка погибла из-за магии; я не ожидала, что в лесу может кто-то быть.

– Идем! Музыканты уже настроились!

За шумом заздравных речей и танцев отбытие доктора не заметила даже Белала.

Когда праздник закончился и гости стали собираться в обратный путь, Белферан сам посадил дочь в дамское седло и предупредил: «Вернемся в Китшоэ, дождись меня в своей комнате. Никуда не уходи! Есть новости!»

* * *

Приглашение было написано на тисненой бумаге с золотым кантом. Автор обладал каллиграфическим почерком.

– Да славятся Заточенные! Во имя их и по их праву... – прочитала она вслух, – через два дня... в известном вам месте...

– Они имеют в виду заброшенный храм. Это официальное приглашение здешней общины на второе великое таинство, – подтвердил Белферан.

Второе из великих таинств, описанных в доктрине, – это посвящение в жрецы. По канону оно обязательно должно сопровождаться жертвой. А в случае, если жрец повышает свой ранг, жертв может быть и несколько.

Белала кивнула. Жертва – это всегда благо для богов. Только вот что бывает, если боги, которым посвящена жертва, мертвы? Кому достанется? Чью силу подпитает?

– Это отличный повод познакомиться со здешними последователями Заточенных, среди которых немало аристократов. Убедившись, что мы – союзники, они охотней будут с нами сотрудничать. Опять же, это откроет для тебя многие двери.

– Звучит так, будто ты меня уговариваешь. Я готова.

– Я знаю, дочь. Но должен предупредить: в Паннонии все происходит немного иначе. Здешняя жреческая традиция не разменивается на куриц и овец.

– Иными словами, жертвой будет человек? Понятно.

– Что?

– Сегодня Тиа весь день делала многозначительные намеки. А я все думала, к чему бы. Скорей всего, она там будет.

– Конечно. Ты удивишься, сколько знатных дворян здесь втайне следуют Заточенным.

«Может, и не удивлюсь», – почему-то с раздражением подумала Белала.

Значит, через два дня... через два дня праздник в Китшоэ закончится, и все гости разъедутся по домам. Вероятно, к тому времени завершатся и переговоры Белферана, а значит, он подготовит первый отчет для магов Трансильвании. К тому времени и ей нужно написать что-то. А узнала она пока немного. Только место расположения комнат Эрно Шороша в замке, да еще о странной болезни, которая с недавних пор стала поражать местных жителей. Если бы хоть доктор Ферг поделился своими догадками о природе этой болезни. Но он молчит.

Кстати, о Ферге...

– Отец, помнишь, я спрашивала о докторе? Удалось что-то о нем выяснить?

– Не то чтобы очень много, но человек он довольно известный. По некоторым данным, лечил еще отца князя Бертока. Он формально руководит госпиталем, там его хорошо знают, но почему-то сведениями делиться не хотят. Имеет привычку надолго куда-то пропадать, а потом объявляться как ни в чем не бывало. Во время отсутствия в госпитале его заменяет доктор Над. Вроде больше ничего интересного. Говорят, он один из тех, кто создал амулет от княжьей болезни. А, еще Берток недавно вернул его в Китшоэ, чтобы он занял место предыдущего придворного лекаря.

– Он маг и близко знаком с князем.

– Значит, в наших планах нам нужно будет учитывать и его.

– Мне кажется, он наблюдает за мной.

– Вряд ли... но все-таки будь осторожна, дочь. Мы здесь пока люди чужие...

Глава 5

– Здравствуйте, Ферг!

Сегодня день встреч со старыми знакомыми...

Ферг настолько углубился в собственные записи, что не заметил, как в его кабинет на втором этаже княжеского хосписа зашел этот человек. Сутулый, но представительный старик, обладатель короткой курчавой бороды и пронзительного взгляда. Фабрис, купец и путешественник, а для особо посвященных – представитель одного из самых могущественных тайных орденов в мире.

Постарел, стал ниже ростом...

Тридцать лет назад он был еще крепок и носил бороду черную как смоль.

– Фабиан! Чем обязан? Проходите, присаживайтесь. Хотите, попрошу, чтобы вам принесли воды или вина?

– Мне сообщили, что вы забрали тело девушки, погибшей в храме Заточенных. Прикажите, чтобы его передали мне.

Ферг приподнял брови, ожидая, что Фабиан Фабрис, один из руководителей Ордена Равновесия, объяснит свое желание. Фабрис и объяснил:

– Она была моим агентом. Мы узнали, что из Трансильвании сюда, в Агер, едет новый посол и что его сопровождает дочь, и решили, что ненавязчивое наблюдение пойдет всем на пользу. Это было первым заданием девушки.

– Так она должна была наблюдать за трансильванской графиней?

– За обоими. Но, видимо, где-то ошиблась. Девочка она была подготовленная и просто так убить себя не дала бы.

Вот как! Значит, Орден Равновесия... Что ж, наивно было бы думать, что они пропустят появление нового трансильванского посла. Вслух Ферг сказал:

– Идемте.

Они спустились на первый этаж, в приемный зал. Туда как раз вошел ученик ди Годера Имре. Парень побывал где-то за городом – его сапоги казались рыжими из-за налипшей пыли. Элайза заметила пыль тоже и теперь выговаривала юноше, что не привел обувь в порядок.

Они миновали зал и еще несколько закрытых дверей и вышли на деревянную лестницу, ведущую в подвал.

– Осторожно, Фабиан. Ступеньки крутые.

На всякий случай Ферг засветил магический шар. Егохватило, чтобы стали видны ступеньки.

– А вы по-прежнему молоды и шустры, – проворчал старик. – Как вам это удастся?

– С трудом, – искренне ответил доктор. – Теперь идите налево...

Короткое заклинание активировало магические фонарики, устроенные так, чтобы осветить все небольшое помещение. Стены кое-где покрывал иней.

– Это самое глубокое из четырех подвальных помещений, – пояснил доктор. – Именно здесь хранятся тела. Нам нужен вон тот ящик...

Ящик ничем не был похож на гроб. Таких в подвале стояло пять, но остальные пустовали. Ферг откинул замки и снял крышку. Изнутри ящик тоже был весь в инее, а тело прикрывала темная ткань.

– Здесь холодно. Зачем вы меня сюда привели? Неужели нельзя было просто отдать тело? Ферг не ответил, и Фабрис осторожно потянул ткань за краешек.

Открылись волосы, лицо. Оно было расслабленным и чистым. Но раны, покрывавшие шею и грудь девушки, заставили Фабриса отшатнуться.

– Превеликий дух... – пробормотал старик. – Я не думал, что это так...

– Скорей всего, трансильванская графиня к этой смерти непричастна. Она оставила служанку в храме, присмотреть за найденным там «стертым», а сама поспешила за помощью. Поскольку прибыла она недавно, то и отправилась туда, куда знала дорогу, – ко мне в хоспис. Обратно мы ехали уже вместе. И опоздали.

– Значит, и здесь не обошлось без вашего участия.

– Весьма незначительного, Фабиан. Весьма незначительного. По словам графини, именно ваша... эта девушка предложила ей побывать в храме Заточенных. Вероятно, она что-то проверяла или хотела узнать хозяйку получше... ну, теперь уж она не расскажет.

Фабиан вглядывался в лицо мертвой Зарины, словно надеялся прочесть по нему ответ.

– Ферг, если бы вы знали, как я вас ненавижу...

– Да, собственно, не вы один.

– Вы убили моего сына. Вы продолжаете убивать моих людей.

– Стоп, Фабиан! Не надо валить с больной головы на здоровую. К этой смерти я не имею никакого отношения. Разве что вскрытие проводил. Тело, кстати, можете забирать. Оно мне больше не нужно.

– Вскрытие?! – с непередаваемой интонацией спросил старик. – Да как вы... да кто вам позволил?

– Мне нужно было знать причину смерти.

– А вы не видели?!

– Да. Но вы сами сказали – с обычным противником она бы справилась. Все, Фабиан. Идите отсюда. Пришлите ваших людей, пусть ее забирают. Иначе вы еще придумаете, в чем меня обвинить, а у меня не так много времени.

– Лабиринт, Ферг! – в спину уходящему к лестнице доктору крикнул старик. – Он не ваша собственность! Снимите заклятие!

– Я подумаю!

Уходя, Ферг мстительно не стал зажигать магический огонь. И Фабрис оказался вынужден сам подсвечивать себе дорогу.

* * *

Фабиан ушел. Ферг попробовал вернуться к записям, но мысль все время норовила ускользнуть, вернуться к недавним событиям в храме. Ведь, например, незнакомец – так и не удалось установить, кто он, – мог напасть на обеих девушек. Или остаться могла трансильванская графиня. Если бы погибла она, непременно случился бы скандал – ее смерть сочли бы провокацией.

«Неужели мне все еще нужно знать, чем живет двор? Какова сейчас внешняя политика, у кого с кем подписаны мирные соглашения, а кто может затевать войну? Неужели я все еще не могу быть только лекарем? Просто искать причины болезней и спасать тех, кому не повезло получить травму или проклятие? Ведь сам же так решил. Сам сделал все, чтобы не было обратной дороги...»

Тридцать лет назад он не сомневался, что не доживет до зимы.

* * *

...Арена шумела. Амфитеатр над ней был почти заполнен людьми, а все потому, что из Генуи привезли настоящего тигра. Огромную кошку заперли до начала игр в клетке, и любой за незначительную сумму мог подойти к ней близко и рассмотреть ее во всех подробностях.

Но сейчас зверя готовили к выступлению, так что просмотр был закрыт.

Над Агером разгорался вечер.

Солнце начало клониться к закату, скоро из низин и подворотен потянется молочный туман. Люди, разгоряченные алкоголем и представлением, не заметят его.

– Сегодня людно, – словно прочитал мысли Эрно бритоголовый жрец.

– Из-за зверя.

– Мы подготовили новый амулет, князь. Взгляните!

Со стороны, откуда обычно выходят бойцы, возвышался невысокий деревянный шест. На его верхушке что-то блестело.

Эрно было бы безразлично, что это... если бы он не знал точно – эта штука будет отнимать у сражающихся их жизненные силы, питаться их кровью, фокусировать на себе азарт толпы. Предыдущий амулет успешно уничтожили. Эрно втайне гордился успехом той операции – первым успехом, которого добилось сопротивление. Что делать с этим амулетом? Пока ответа не было.

Он будет охраняться, и защищать его станут лучше. Да и сам он создан намного рациональней – теперь не случится таких потерь энергии, какие получались с прошлым. Нет, с этим обязательно надо что-то делать...

– Князь!.. – окликнул его жрец. – Вы слишком мало спите, это не идет вам на пользу.

– У нас слишком много проблем, чтобы позволить себе долгий и здоровый сон.

– Понимаю вас. И все-таки ваши успехи заметны. Кстати, Совет Мудрых подготовил еще несколько документов, которые нужно подписать.

– Я не буду подписывать приказы о казни, пока не ознакомлюсь с материалами дела. Неужели вы не понимаете, что таким образом только настроите население против себя?

– Нет, князь. Не против себя. Исключительно против вас... ага, а вот и распорядитель.

Прошу меня простить...

Он поклонился и ушел.

Эрно прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться на амулете. Тот представлялся темной, затягивающей в себя воронкой, таким магическим магнитом. Долго вглядываться в него – закружится голова.

Меж тем распорядитель оглашал имена бойцов и ход поединков. По рядам побежали посредники с тетрадами в руках.

Рядом с Эрно на кожаное сиденье опустился Джерго. Резко сказал:

– Ты приказал не впускать в город музыкантов.

– Да. Бродяги – самые главные разносчики сплетен. А нам сплетни не нужны.

– Кому это «нам»? Тебе и твоим подпевалам из Совета? Вчера на площади забили камнями человека просто за то, что он усомнился в справедливости Заточенных!..

– Знаю. Они должны научиться держать язык за зубами.

Эрно повернулся к брату. У того было красное от возмущения лицо и бешеные глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.